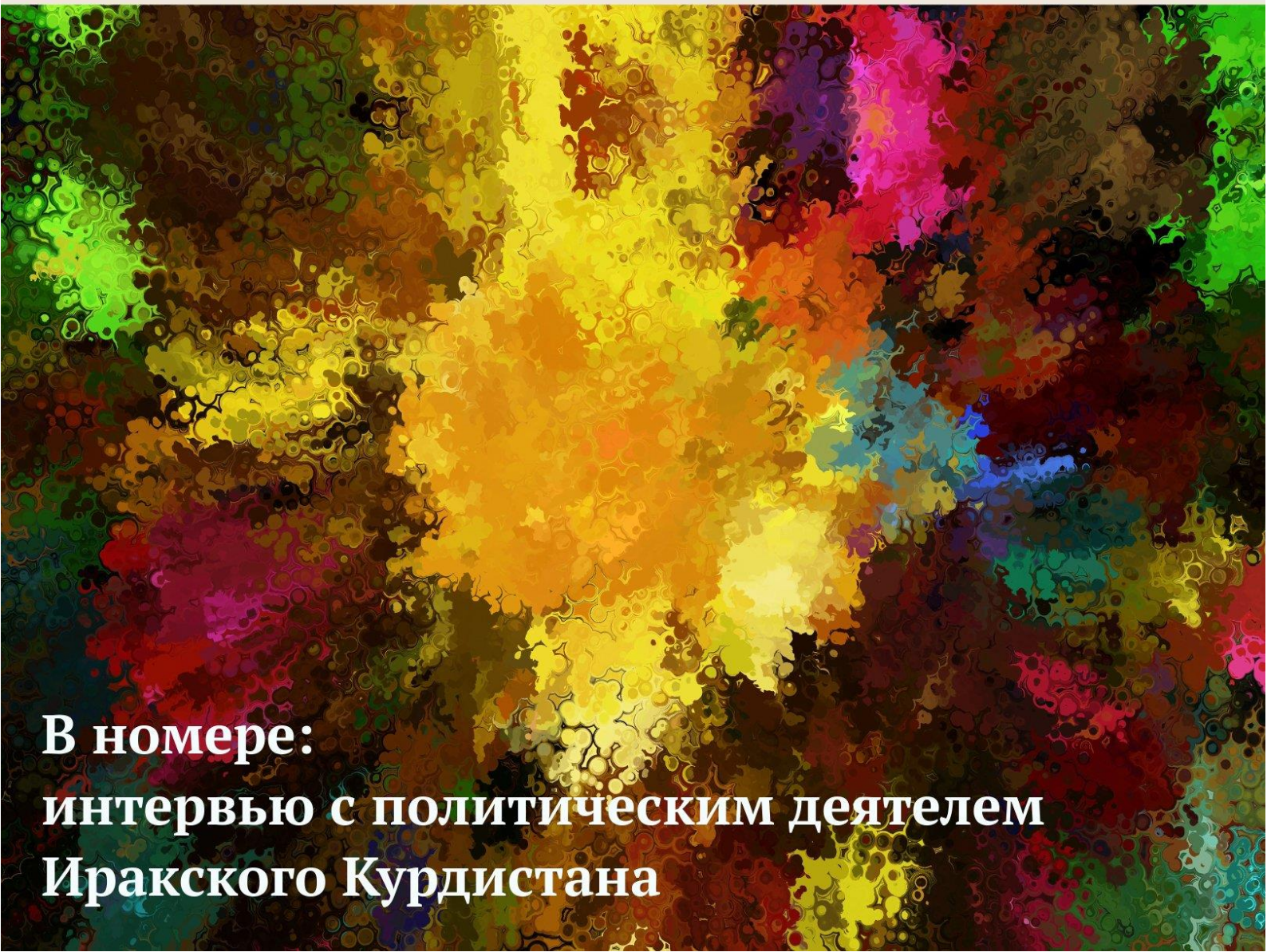
Россия и Азия

№ 4 (5), 2018

russia-asia.org



В номере:
интервью с политическим деятелем Иракского Курдистана

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 4 (5), 2018 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте http:// russia-asia.org/

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г.Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО Тейда Транс», г. Москва, Россия.

Сабон Виктория Лелу — PhD (экономика), заведующая кафедрой зеленой экономики, директор Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурайя, Научный бизнес парк, Индонезия.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Интервью с представителем регионального правительства Иракского Курдистана и Демократической партии Курдистана в России и странах СНГ, доктором экономических наук Хошави Бабакром **5**

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Бахзад Т. С.
Финансовые аспекты строительства малого бизнеса в регионе Иракский Курдистан **11**

Родионова И. А., Шувалова О. В.
Мировая энергетика: позиции стран БРИКС **16**

Дигилина О. Б., Миронова Т. Г.
Экономика совместного потребления в России и за рубежом **33**

Овсянникова Т. Ю., Рабцевич О. В., Югова И. В.
Рынок жилищных инвестиций: проблемы стабильной нестабильности **43**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Смирнова Ю. П.
Перспективы развития российско-южнокорейских экономических отношений **53**

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ

Монделло Ж.
Денежный характер криптовалют и их перспективы в России и Франции **59**

Content

OUR GUEST

Interview with the representative of the regional government of Iraqi Kurdistan and the Democratic Party of Kurdistan in Russia and the CIS countries, Doctor of Economics Khoshavi Babakr **5**

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Bahzad T.S.
The finance aspects of building a small business in Kurdistan region of Iraq **11**

Rodionova I.A., Shuvalova O.V.
Positions of the BRICS countries in the world energy **16**

Digilina O.B., Mironova T.G.
Development of collective consumption economy in russia and abroad based on analysis of carsharing service as an example **33**

Ovsyannikova T.Y., Rabtsevich O.V., Yugova I.V.
The market for housing and investment: problems of stable instability **43**

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Smirnova Y.P.
Prospects of development of Russian – South Korean economic relations **53**

GLOBAL FINANCIAL ASPECTS

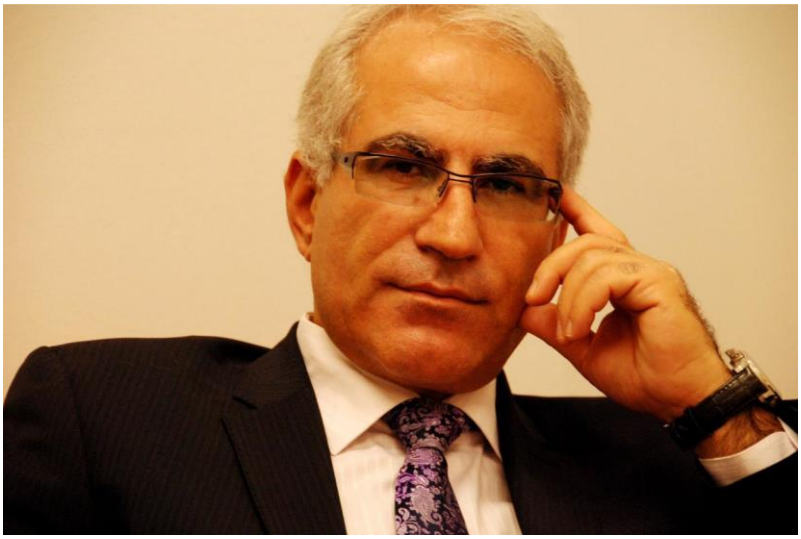
Mondello G.
La nature monetaire de la monnaie crypto et leurs perspectives en Russie et en France **59**

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ / OUR GUEST

ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КУРДИСТАНА В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, ДОКТОРОМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК ХОШАВИ БАБАКРОМ

Уважаемый господин Бабакр, Иракский Курдистан для россиян пока достаточно мало известен — в экономическом, социальном, историческом, политическом и других аспектах. Поэтому мы просим Вас ответить на несколько вопросов об Иракском Курдистане, о возможностях и направлениях развития отношений между Россией и Иракском Курдистане.

1. Расскажите нам об Иракском Курдистане, его истории, культуре, экономике. В чем его особенности?



История Курдистана очень тесно связана с историей Ирана. Факт, что курды являются коренными жителями региона Западный Иран, и очень многие иранские правители были курдами – с древнего Ирана до исламского периода (мидийцы, сасаниды). Иран тоже признает, что курды всегда были частью иранской власти. И древний язык Ирана (пехлеви – это среднеиранский язык) более близок к курдскому. И книга древней иранской религии «Авеста» написана на близком к курдскому наречию хаврами. «Аве́ста – собрание священных текстов зороастрийцев, старейший памятник древнеиранской литературы, составленный на особом, более нигде не зафиксированном языке, называемом в иранистике «авестийским».

Многие археологические находки X-IX вв. до нашей эры найдены на землях сегодняшнего Курдистана (Луристана (Иран), Керманшаха (Иран), Эрбиля (Иракский Курдистан). Столица Мидийского царства – Южная Экбатана – это нынешний город Хамадан в Иранском Курдистане. Последняя династия, правившая Ираном и оказавшая сопротивление нашествию ислама, Сасаниды – это тоже курды. В XVI веке Курдистан был поделен на две части: одна оказалась под властью Османской империи, а вторая – Ирана). До распада Османской империи первая существовала в виде курдских династий. В Иране курды непосредственно принимали участие в управлении страной. После распада Османской империи Курдистан был поделен на 4 части в результате Лозанского договора – населенные

курдами территории вошли в состав Сирии, Ирана, Турции и Ирака. Политика угнетения и ассимиляции курдов со стороны правительств этих стран вызвала подъем национализма.

Позвольте здесь перейти к истории иракской части Курдистана как составляющей федеративного государства Ирак, в составе которого он находится, поскольку я являюсь представителем партии именно этого региона.

В результате вторжения Ирака в Кувейт и войны в Персидском заливе в 1991 г. международной коалицией в Курдистане была создана зона безопасности. Курды получили возможность самостоятельного управления, создали парламент и правительство. Сегодня Иракский Курдистан признан как часть федеративного Ирака, что указано в Конституции Ирака 2005 года. В зону ответственности Регионального правительства Курдистана входят три провинции: Эрбиль, Сулеймания и Дохук. Недавно была создана четвертая провинция – Халабджа. Есть также так называемые «спорные территории» с курдским большинством. Их судьба, согласно Конституции Ирака, должна была быть определена еще к 2007 году путем переселения ранее депортированных жителей, переписи населения и проведения референдума. Но эта статья так и не была реализована, что породило множество конфликтов и препятствует развитию иракского государства.

В 2017 г. Курдистан провел референдум о независимости, в котором приняли участие и жители спорных территорий. Он показал, что почти 92% голосов были отданы за отделение от Ирака, что стало результатом демократического направления развития Курдистана и перспектив роста его экономики. Но результат голосования вызвал негативную реакцию как в Ираке, так и у соседних стран, озабоченных устремлениями своего угнетенного курдского населения. Были введены многочисленные противозаконные санкции, и даже имело место военное вмешательство. Правительство Курдистана смогло преодолеть этот кризис политическими средствами, и сейчас Курдистан опять наращивает темпы развития, стремясь к показателям, существовавшим до войны с «Исламским государством», начавшейся в Ираке 2014 году. Эта война, в которой курды были на переднем фланге борьбы, наплыв почти 2 млн беженцев, падение цен на нефть и

прекращение выплаты доли Курдистана их иракского бюджета со стороны Багдада тогда привели к прекращению роста экономики Курдистана и введению режима жесткой экономии.

Сейчас мы восстанавливаемся, и экономика стремится к довоенным результатам, когда ее рост составлял 12%: годовой ВВП – 23 600 000 000 долларов, валовой национальный доход – 34 000 000 000, годовой доход на душу населения – около 4500 долларов в год. Структура занятости: сельское хозяйство – 17,5%, торговля и транспорт – 13,5%, промышленность и природные ресурсы – 9,4%, строительство – 7,6%, банки и страховые общества – 3,1%, сфера обслуживания – 30,1%, госслужащие – 20,6%.

При этом 95% доходов Ирака и Курдистана составляет нефть.

2. Какие страны являются на сегодняшний день наиболее привлекательными для Иракского Курдистана в торгово-экономическом плане? Происходят ли какие-то изменения в географии внешнеэкономической деятельности Иракского Курдистана? Влияет ли на этот процесс ситуация на мировом рынке углеводородов или на других глобальных рынках или сферах (например, НТП)?

Конечно же, это сам Ирак, Турция, с которой у нас торговый оборот доходил до 12 млрд долл., Иран (6 млрд долларов) и Сирия, с которой мы также имели высокие показатели торговли до начала военного конфликта в этой стране.

3. Как развиваются экономические отношения между Россией и Иракским Курдистаном на сегодня? Есть ли совместные предприятия в России и в Иракском Курдистане, и, если да, в каких сферах (регионах)? В какие сферы (отрасли, виды деятельности) в Иракском Курдистане Вы могли бы пригласить российских предпринимателей и инвесторов?

В Курдистане давно и успешно работают две крупнейшие российские компании – «Газпром» и «Роснефть». Они заняты разведкой и производством нефти и газа. При этом, по контракту с «Роснефтью», эта компания закупает всю добытую нефть и газ, а также займется строительством газопроводов. Нужно понимать, что участие «Роснефти» и «Газпрома» к тому же является локомотивом для всей экономики – вслед за ними приходят другие компании: страховые, финансовые и так далее. Курдистан заключил договор на закупку липецких труб для газо- и водопроводов. У нас есть и совместные предприятия, такие как сеть заправок «Курднефть». Россия продает нам сельскохозяйственную продукцию (рис, пшеницу, орехи). Думаю, у нас широкое поле для экономического взаимодействия.

4. Какие преимущества могут быть реализованы Россией от сотрудничества с Иракским Курдистаном?

Поскольку Иракский Курдистан находится в центре территорий стран, с которыми у России хорошие отношения, – Ирака, Ирана, Сирии и Турции, – он является привлекательным местом для любых российских инвестиций: от строительства железной дороги из Персидского залива в Европу до создания общей экономической зоны.

5. Какие направления двустороннего сотрудничества Вы считаете наиболее перспективными и эффективными? Почему?

Это энергетика, транспорт, инфраструктура (например: гидро- и атомные электростанции, водохранилища), вооружение, туризм, сельское хозяйство – это все те зоны, развитие которых очень перспективно в Курдистане. Даже больше: в их развитии Курдистан остро нуждается.

6. Как Вы считаете, санкции ЕС и США против России могут как-то (как?) воздействовать на развитие двусторонних отношений между РФ и Иракским Курдистаном?

Не думаю. Я надеюсь, что все они будут вскоре отменены как бесперспективные и мешающие международным глобальным связям.

7. Как влияет на эти отношения развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС? Могут ли эти отношения, в свою очередь, повлиять на интеграционные процессы?

Иракский Курдистан тоже может стать членом Евразийского экономического союза. У Курдистана нет перспективы присоединения к ЕС, и он ориентирован на Среднюю Азию, Россию, Турцию, Вьетнам и др. Известно, что азиатские страны готовы присоединиться к этому союзу. Почему в него не принять Курдистан?

8. Что мешает (затрудняет) развитию торгово-экономических отношений между Россией и Иракским Курдистаном? Какие шаги, на Ваш взгляд, следует предпринять для их устранения (смягчения)?

Нужна безвизовая система, которая первой стимулирует экономические связи. Нужно создавать Совет экономического сотрудничества, какой создан Россией с Ираком. Нужна общая транспортная сеть: автомобильные дороги, присоединение Курдистана к железной дороге, которая будет строиться через Иран, Ирак и Сирию к Средиземному морю (я уже упоминал об этом – железная дорога «Юг-Север»). Нужно прямое авиасообщение. Это главное.

9. Насколько комфортно могут чувствовать себя граждане России (в том числе женщины) в Иракском Курдистане – как туристы, как предприниматели, как инвесторы? Какие традиции или особенности Иракского Курдистана, в том числе

экономические, могли бы быть интересны россиянам и привлекать их интерес к Иракским Курдистаном?

У европейцев есть представление, что Курдистан, как и многие ближне-восточные станы, – это очень закрытое общество. Курдистан – в основном мусульманский регион, но у него светская направленность. К тому же, на его территории мирно уживаются представители множества религий и этносов, что и делает его госте-приимным для всех культур. Мне доводилось видеть на улицах Эрбиля иностранок в коротких платьях или с пирсингом. Конечно, это привлекает внимание прохожих, но не более того. Если женщине не нужно такое внимание, лучше надеть брюки или юбку ниже колен. К гостям из России везде относятся с особым вниманием. Что касается экономических интересов, законы Курдистана дают очень большие привилегии для иностранных инвестиций, в том числе «налоговые каникулы» и бесплатные земли под строительство. Правительство создало веб-сайты для инвесторов. И у нас прекрасное законодательство о защите частной собственности.

10. Есть ли общность между гражданами России и Иракского Курдистана в социально-культурном плане? Что интересного может быть для россиян в Иракском Курдистане в культурно-историческом плане? В гастрономическом плане?

У наших народов сильные исторические связи. Курды всегда были союзниками России. Наши связи достигли особого уровня при Советском Союзе, когда здесь жил и учился легендарный Мустафа Барзани.

Курдистан – это, как и Россия, – свободное сообщество, сродни кавказскому. Кстати, наша кухня тоже похожа на кавказскую.

К тому же, приехавшие к нам россияне всегда смогут договориться с помощью нескольких десятков общих для наших народов слов, например: таких как «брат» («бра») и «спасибо» («спас»).

У нас много исторически важных и просто красивых мест. Я уверен, что для российских туристов Курдистан будет не Ближним, а Близким Востоком.

11. Если говорить о «бренде Иракского Курдистана», о самом узнаваемом символе, что бы это могло быть? А что могло бы служить «брендом России» в Иракском Курдистане?

Главные символы известны: в Курдистане – это Эрбильская цитадель, в России – это Красная площадь.

Большое спасибо, господин Бабакр, за Ваше интервью, мы уверены, что эта интересная беседа даст новую информацию к размышлению для ученых и практиков, а также политиков, и их интерес к Иракскому Курдистану будет расти.

Интервьюер – БАШЕР Мааз Абдулла Башер (Ирак), аспирант, Российский геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе, 117997, Москва ул. Миклухо-Маклая д. 23. (maaz.shoshy@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ /
DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

THE FINANCE ASPECTS OF BUILDING A SMALL BUSINESS IN KURDISTAN REGION OF IRAQ

***Bahzad Taher Salim*[1]**

The study is aimed at studying the financial aspects associated with the creation and conduct of small businesses in Kurdistan. By Kurdistan in the article we understand the relevant region of Iraq. A qualitative research method was used in the study. The most important data of the method were obtained on the basis of primary data using interviews and questionnaire.

The study showed that small business owners in Kurdistan face many problems, among which the main ones are financial. In addition, among the problems the author notes the weak development of infrastructure, inadequate legislation, lack of management skills in money management; other problems such as corruption and inflation.

Keywords: *Kurdistan Region, small business, finance aspects, finance problems.*

JEL-codes: *D 22, D 23, D 24.*

Due to the growing instability of the global economy, both in regional and sectoral aspects, the socio – economic situation and development of countries and territories with significant hydrocarbon reserves are of particular interest. One of these areas is of Kurdistan Region. (Shkvarya, 2017)

After the lifting of economic sanctions against Iraq, which had a negative impact on the national economy (Айдрус, Меланьина, 2016), and the stabilization of the economic situation in the Kurdish region since 2017, the issue of the development of small and medium-sized businesses has become much more urgent.

Small business enterprise is a sector of the economy that needs Kurdistan Region government attention due to the role it plays in job creation and economic growth in the nation's economy. Small businesses are vital in today's Kurdistan Region economy because many of the revenue obtained by the government are from business taxes. In addition, the existence of small businesses can stimulate the economy. Finally, small businesses are important because it can provide more job opportunities for people so that the unemployment rate is low (Henry and Chinedu, 2009).

Small business can be started at a very low cost and on a part-time basis. Small business is also well suited to internet marketing because it can easily serve specialized niches. Independence is another advantage of owning a small business. A small business is a business that is privately owned and operated, with a small number of employees and relatively low volume of sales. Small businesses are normally privately-owned corporations, partnerships, or sole proprietorships. The legal definition of "small" varies by country and by industry.

[1] *Bahzad Taher Salim* – PhD student, Cosmos and Technology Institute, Innovation Management People's Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. E-mail: behzad82h@hotmail.com

In sum, according to Ford (2004) small business enterprises create most employment, provide a greater degree of economic stability and very often contribute the lion's share of GDP in industrialized economy.

In Kurdistan Region there is no a specific definition of small business companies about number of employees or turnover the only thing that is considerable is the type of organization and extent of capital and until now because of internal problems of region and country there is no constraints for separate between companies related their capacity. A major characteristic of Kurdistan's SMEs relates to ownership structure or base, which largely revolves around a key man or family. Hence, a preponderance of the SMEs is either sole proprietorships or partnerships. Even where the registration status is thus that of a limited liability company, the true ownership structure is that of a one-man, family or partnership business. (Ahmad, 2011)

The research method applied in this study is qualitative and data was sourced by primary and secondary data. The study focused on the problems of financing facing small business enterprises in Kurdistan Region.

According to Small Business Administration (SBA) program Office: There are five important questions when determining money need, your ability to offer a detailed, credible business plan is of prime importance when seeking a loan. Your finance proposal should be succinct and focus on the following key questions:

How much do you want?

How long do you want the money for?

What are you going to do with the money?

How are you going to repay the money?

What are the alternative sources of repayment in the event of something going wrong?

So, when it is time for you to take small business finance, you have to know how to calculate your needs.

When we asked these questions to Kurdish small business their answers were that they calculate the amount of money they need, but in a way that it's not a true and academic way to determine their needs, they cannot understand for what long they need the money. An important part of growth is the budget, or the allocation of funds to those activities that will bring about growth. There is a fine line between not having enough money and having too much money. The disadvantages of borrowing too much are (1) the increased interest costs and (2) exceeding equity limitations. The disadvantage of not borrowing enough is getting halfway through a project and discovering there are not enough funds available to complete it. The problem usually associated with expansion is underestimating costs. But when we asked this question to Kurdish companies all of them said that they determined their need but in a routine way without any budget and accounting statements, also when we asked about some expenses when starting business they don't had information about them that is very important before launching a business to do that some of this operations are: Research and development costs, Business Plan Preparation, Cost of Web Site creation, unanticipated costs, Licenses and Permits and other costs that they don't take into consideration these expenses that will cause lake of enough cash and failure of the business at first time.

On the basis of the analysis of data collected during the interview, the major problem found to have been facing small business enterprises during start up time and growth period in Kurdistan is finance. Lack of finance has been a very serious setback to small business starting from setting – up to the growth of the business. The small business owners' source for funds mostly by

themselves, from relatives and friends or by going into partnership hence borrowing money from banks or other financial institutions has been a difficult or if not impossible task due to high cost of borrowings. These small business owners are mostly asked to provide collaterals by banks before borrowing money which is hardly at their disposal and the burden of high interest rate from these banks are unbearable.

The most common mistake business owners make is not keeping personal and business funds separate.

There are some reasons why it is not a good idea to mix business and personal funds:

- It doesn't look professional: If you are dealing with a vendor or customer and you pull out your personal checkbook or credit card to pay a business expense, you are giving the impression that you are not a real business owner.
- Clear deductions and income: If you want to be able to claim expenses as deductions, you must be able to show that these deductions were for business purposes. Capture business expenses in your business account to make it easier to claim those deductions.

If you put money in the business in the form of property or cash, clearly designate how the money is to be considered – as a loan or as an owner investment. You can choose either a loan or an investment, but make sure the paperwork is complete and that it is easy to see how the transaction is considered on the books of the business.

According to the responses from Sherko Engineering Group about having information related accounting and using of accounting standards they don’t have any accountant in the company to set the accounting principles and make statements of daily, monthly, and yearly. Also, the owners and managers of small business in Kurdistan have more negative opinion about use of accounting standards and they believe that with or without these standards they can maximize their profit and these standards cannot affect their profit, they never use them. They don’t have knowledge about accounting standards that is useful for success of every company.

To solve these and other problems, owners of small companies usually want to get some knowledge in the field of accounting.

The practice of small business in Kurdistan shows that there are several problems in this area. Lack of sourcing funds from financial institutions is regarded as the major problem facing small businesses in Kurdistan Region. It baffles these small business managers even at this stage where most developed countries have continued to make the accessibility of funds for small business enterprises theirs have been different.

Recently there have been some developmental projects by some local government administrators. These projects include the building of shops but in a high cost rates for business minded people that everyone cannot buy or rent, a hard and few loan packages for micro business managers and mass transits for transportations at somewhat low or high prices. For this reason, in Kurdistan small businesses uses their buildings for business but they do not write it as rent expenses, they know and say that these are expenses that we don’t pay it and they do not use financial statements to write them thus financially their income or expenses are not considerably precise.

Kurdish government has been making serious improvement yearly in their regulations concerning business as a whole and Kurdish small business, the government made the law on tax especially in the areas of products in such a way that when adhere to is favorable to business. As the result Kurdish small business has the potential to achieve accelerated economic development and growth.

We noted that though government has at various times provided some measures for the improvement of small business enterprises in Kurdistan Region but all have been abortive due to inadequate legislation. For a proper promotion of the development of small business enterprises, there is need for a well-articulated plans or programs by the government.

There is lack of proper regulation in terms of borrowing funds from the banks by small business owners; lack of focus in formulation and implementation of policies, and tax laws are not favorable to this group of business enterprises as the Swedish business owners continued to have less problems in respect to this.

Inflation was also observed as one of the problems facing small business enterprises in Kurdistan. The result of continues inflation in Kurdistan markets have more effects on small businesses than the large enterprises.

In sum, small business enterprises are seen as an important sector of a nation's economy which should be adequately given attention. There is need for the developing countries to emulate from the developed countries in ways of giving credible support measures in developing small business enterprises within its economy due to their impacts on economy. This can be achieved by creating enabling environments such as providing easy access to funds, good legislation, infrastructure etc.

Most Kurdish people may be employed by micro or small-scale businesses but most GDP is generated by the large-scale export orientated extraction and agricultural companies. Therefore, small business enterprises in Kurdistan require an urgent attention from the government in tackling their problems in order to survive, grow and develop.

References

1. Шкваря Л.В. (2017). Иракский Курдистан: нефть, газ и развитие // Россия и Азия. №1. URL: http://russia-asia.org/file/2017/12/03-Shkvarya.pdf [Shkvarya L.V. (2017). Iraqi Kurdistan: oil, gas and development // Russia and Asia. No. 1] (In Rus.)

2. Айдрус И.А.З., Меланьина М.В. (2016). Экономические санкции в условиях глобализации: проблемы теории и современная практика Ирака // Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник - 2016. Под редакцией Л.В. Шкваря. М. С. 48-76. [Aidrous I.A.Z, Melanina M.V. (2016). Economic sanctions in the context of globalization: problems of theory and practice of modern Iraq / In the book: Asia: the vector of development of foreign economic cooperation with Russia in terms of sanctions. Yearbook 2016. Edited by L.V. Shkvarya. Moscow. pp. 48-76] (In Rus.)

3. Ford N. (2004). Credits to flow to small businesses // African Business (300). pp.60-61.

4. Henry E., Chinedu Ch. (2009). Small business problems in Nigeria a comparison with Sweden, school of management, Blenking institute of technology, fall 2009.

5. Ahmad A. (2011). Small business in Iraq. URL: www.ahewar.org.

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

Бахзад Тахер Салим,

Российский университет дружбы народов (РУДН)
117198, г.Москва, ул.Миклухо-Маклая, д.6

Исследование направлено на изучение финансовых аспектов, связанных с созданием и ведением малого бизнеса в Курдистане. Под Курдистном в статье мы понимаем соответствующий регион Ирака. При проведении исследования использовался качественный метод исследования. Наиболее важные данные метода были получены на основе первичных данных с использованием интервью и вопросника.

Исследование показало, что владельцы малого бизнеса в Курдистане сталкиваются со многими проблемами, среди которых основными остаются финансовые. Кроме этого, среди проблем автор отмечает слабое развитие инфраструктуры, неадекватное законодательство, отсутствие управленческих навыков в управлении деньгами; другие проблемы, как коррупция и инфляция.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Курдистанский регион, малый бизнес, финансовые аспекты, финансовые проблемы.

JEL-коды: D 22, D 23, D 24.

МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА: ПОЗИЦИИ СТРАН БРИКС

Родионова Ирина Александровна[1]
Шувалова Ольга Владимировна[2]

В мире постоянно растет потребность в энергоносителях. Без производства электроэнергии ныне немыслимо экономическое развитие государств. Позиции стран и экономических союзов в мировой энергетике меняются с каждым годом. Страны БРИКС играют важную роль в Глобальной системе энергетической безопасности. Для анализа позиций БРИКС, ЕС и НАФТА использовались данные британской нефтегазовой компании British Petroleum (BP Statistical Review of World Energy June 2018), ЮНИДО и Национального научного фонда США (Science and Engineering Indicators 2018).

Цель статьи – показать с помощью компаративного анализа данных в динамике за ряд лет (по запасам, добыче и потреблению основных энергоресурсов и по производству электроэнергии) позиции БРИКС, ЕС и НАФТА в мировой энергетике. В статье показано, что энергоемкость ВВП стран мира различается, что наличие запасов углеводородов в странах БРИКС характеризует энергобезопасность этих государств. Выявлено, что в настоящее время суммарные данные по БРИКС по многим показателям развития энергетического хозяйства и объемам производства промышленной продукции превышают данные ЕС и НАФТА. И отмечается, что позиции БРИКС в современной мировой экономике продолжают усиливаться, а проведенный анализ подтвердил значимость позиций стран БРИКС в мировой энергетике.

Ключевые слова: *БРИКС, НАФТА, ЕС, энергетика, энергобезопасность, энергоресурсы, обрабатывающая промышленность, высокотехнологичное производство*

JEL-коды: *O13; Q32; Q43.*

Введение

БРИКС – международное объединение («цивилизационное объединение нового формата»), которое большинство современных экспертов относят к весьма перспективным в плане экономического, финансового и политического сотрудничества входящих в него стран. Совокупность основных параметров развития экономики стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) подтверждает значимость данного объединения, которое открыто для присоединения других стран.

---

[1] *Родионова Ирина Александровна* – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва).

[2] *Шувалова Ольга Владимировна* – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва).

На страны БРИКС приходится свыше 40% населения планеты и эти государства имеют суммарный ВВП (по паритету покупательной способности валют) 40,7 трлн долл., 2017 г., что превышает 30% мирового показателя. Для сравнения: у НАФТА – 23,7 трлн. долл., у стран ЕС – около 20 трлн. долл.) (The World Factbook, 2019). На страны БРИКС приходится очень значительный объем выпуска продукции (промышленной и сельскохозяйственной). При этом в странах БРИКС сосредоточены огромные человеческие (в том числе трудовые) ресурсы. Именно поэтому значения многих экономических показателей в странах БРИКС в расчете на душу населения намного ниже таковых в развитых странах. Так что большая численность населения стран БРИКС – это одновременно и плюсы, и минусы.

Нам представляется интересным исследовать изменение положения стран БРИКС в мировой энергетике. В научной литературе, и особенно в СМИ, много противоречивой информации и мифов о значении объединения БРИКС и влиянии стран БРИКС на мировую экономику. Напомним, что главная задача объединения БРИКС – это не экономическая интеграция, а переформатирование международных отношений с целью повысить влияние новых центров силы – «восходящих» стран.

Обеспеченность государств БРИКС разнообразными природными ресурсами определяет их успехи в экономике. Но это, как мы знаем, не главный фактор развития. Ведь многие высокоразвитые страны Европы, Япония, Республика Корея находятся в группе лидеров мировой экономики, практически не имея собственной ресурсной базы. Основные ресурсы нефти и природного газа сосредоточены на Ближнем Востоке (в странах Персидского залива) и в странах Северной Америки (США, Канада, Мексика). А в расчете на душу населения показатели обеспеченности энергоресурсами в странах БРИКС соответствуют таковым даже в странах ЕС, и ниже, чем в НАФТА.

Отношения между БРИКС и ведущими развитыми государствами, а также проблемы влияния стран БРИКС на международные отношения, анализируются в работах многих зарубежных и отечественных ученых. Исследуются вопросы формирования многополярной мировой экономики и роль, которую играют в ней страны БРИКС (Luckhurst, 2013; Булатов, 2015; Mminele, 2016).

Российские ученые, как и зарубежные, полагают, что рост совокупных показателей БРИКС в первую очень определяют данные по Китаю. Причины и следствие процесса усиления позиций Китая в мире во всех деталях еще только предстоит оценить, но уже есть многочисленные и очень интересные научные исследования по данной тематике (Колосов и др., 2016; На пути…, 2018). В разных работах приводится анализ и представляется прогноз развития БРИКС в сравнении со странами Большой семерки - G7 (Перспективы…, 2014; BRICS and the Global Economy, 2013).

При этом ученые отмечают, что у каждой из стран БРИКС есть свои сильные стороны наряду с конкретными слабыми сторонами (Marino Rich, 2014; Building bridges…, 2015). Рассматриваются в научной литературе позиции стран мира и БРИКС в мировой энергетике, в том числе в сфере использования возобновляемых источников энергии (Липина, Родионова, 2015; Yun Li et al., 2017). Отмечается, что диверсификация источников энергии в странах БРИКС направлена на рост энергетической безопасности, и что потенциал партнерства в энергетической сфере БРИКС огромен (Мастепанов, 2016; Sahu Manjeet Kumar, 2016; Орешкина, 2017).

Теоретической базой исследования данной статьи послужили многочисленные научные работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные анализу проблем и

тенденций развития стран БРИКС, а также научные разработки авторов (Родионова, Шкваря, 2012; Rodionova, Kokuytseva, 2017; Rodionova et al., 2017). Цель данного исследования – охарактеризовать изменение позиций стран БРИКС в мировой энергетике в динамике с начала XXI в. в сравнении с позициями, занимаемыми странами Европейского Союза и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) объединяющей Мексику, США и Канаду.

Методика исследования

Методология анализа базируется на методе компаративного анализа. Данные по доказанным запасам нефти, природного газа, угля в мире основаны на оценках «British Petroleum» (BP Statistical Review of World Energy, 2018). В статье анализируется потенциал БРИКС, ЕС и НАФТА в сфере мирового энергетического хозяйства с позиции выявления доли стран и групп стран в запасах, добыче и потреблении разного вида энергоресурсов как одного из важнейших факторов развития индустриального сектора экономики данных стран в динамике с 2002 по 2017 гг. Выполнены расчеты коэффициентов корреляции по отдельным показателям энергетического и индустриального сектора. А также представлены расчеты и анализ показателей удельного веса стран БРИКС, ЕС И НАФТА в производстве и потреблении электроэнергии.

Следует заметить, что расчеты проводились по странам и регионам за последние 15 лет с 2002 г., то есть еще до момента образования БРИКС. Иными словами, в период 2002-2017 гг. в таблицах суммировались данные по странам, ныне входящим в неформальное объединение БРИКС. А по странам ЕС суммарные данные приводились на соответствующую дату с учетом числа входящих на тот момент в Евросоюз стран (который несколько раз за анализируемый период менялся в сторону увеличения числа членов данного объединения).

Результаты исследования: позиции стран и экономических союзов в мировой энергетике

В XX в. в дополнение к углю пришли добыча и потребление иных видов топлива – нефти и природного газа, а также использование ядерной энергии. «Эра нефти» дала толчок интенсивному развитию всех отраслей мировой экономики.

В XXI в. все более прочные позиции занимает газовое топливо – как более экологичный и перспективный на ближайшие десятилетия источник энергии земных недр. В структуре топливно-энергетического баланса растет доля атомной и гидроэнергии, а также альтернативных источников энергии (энергия геотермальная, солнечная, ветровая, энергия приливов и отливов, биотопливо и отходы и т.п.). Все бóльшая часть первичных источников энергии перерабатывается в электроэнергию.

Иллюстрирует ситуацию с запасами энергоресурсов в странах мира представленная ниже карта (рис. 1). Мы видим, что запасы ресурсов весьма дифференцированы по странам мира, хотя эта ситуация не коррелирует с уровнем их социально-экономического развития.

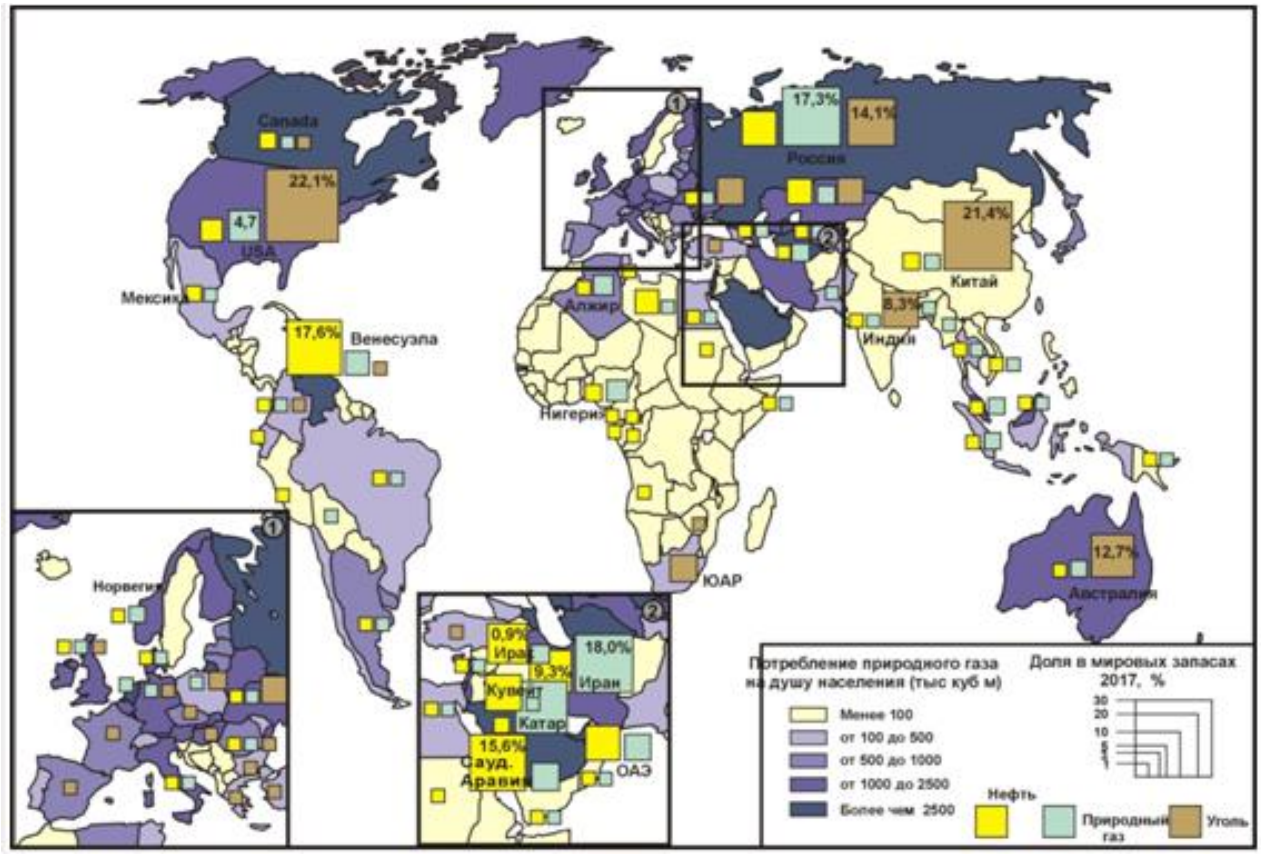


Рис. 1. Запасы энергоресурсов в странах и регионах мира, 2017.

Источник: составлено авторами по данным BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Динамика показателей НАФТА, ЕС и БРИКС по запасам, добыче и потреблению нефти

В настоящее время самыми крупными запасами нефти в мире обладают Венесуэла, Саудовская Аравия, Канада, Иран, Ирак, Кувейт. Россия находится лишь на 7-й позиции – около 6% мировых запасов. Отметим сразу, что даже на суммарную долю всех стран БРИКС, ЕС и НАФТА приходится менее 22% мировых запасов нефти. При этом доля стран БРИКС за анализируемый нами период (2002-2017 гг.) уменьшилась с 10 до 9% (в том числе вследствие сокращения доли России с 9 до 6%, при очень небольшом росте запасов в остальных странах данной группировки) (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика доли стран НАФТА, ЕС И БРИКС в мировой энергетике (нефть, %)

Объединения стран	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2017**
Запасы нефти:							
НАФТА	16,8	16,4	16,0	14,5	13,5	13,6	13,3
ЕС	0,6	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3
БРИКС	10,4	10,1	9,9	9,4	8,7	8,4	8,9
Добыча нефти:							
НАФТА	18,2	16,9	16,1	15,4	16,1	17,5	20,9
ЕС	4,4	3,6	2,9	2,7	2,3	1,8	1,6
БРИКС	18,5	19,3	20,2	20,6	21,8	21,6	21,2

Потребление нефти:							
НАФТА	29,1	29,0	28,2	26,6	25,5	24,3	23,6
ЕС	19,4	18,5	18,3	17,6	16,3	14,8	14,0
БРИКС	16,2	18,0	18,8	20,1	22,1	23,5	25,2

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Доли стран ЕС и НАФТА в мировых запасах нефти также снижались. В странах НАФТА (где большая доля в запасах принадлежит Канаде – около 10% мировых) это происходило на фоне роста добычи сланцевой нефти в США, производство которой существенно увеличилось в период с 2010 по 2017 гг. Этому способствовало развитие технологий, позволивших снизить стоимость производства и улучшить эффективность добычи на крупнейших «сланцевых» месторождениях. Однако с конца 2015 г. сланцевая добыча уже начала снижаться по причине низких цен на нефть на мировом рынке и сокращения инвестиций (Что ждать.., 2017).

Иными словами, суммарные запасы нефти в странах БРИКС (менее 9%) не слишком значительны особенно по сравнению со странами НАФТА (свыше 13%).

Охарактеризуем ситуацию с добычей этого важного энергоресурса. Мировыми лидерами по добыче нефти на начало 2018 г. являлись Саудовская Аравия, США, Россия, Канада и Китай (опередивший Ирак, Иран и ОАЭ). Рассмотрим, как менялись позиции экономических группировок по добыче нефти. Доля стран ЕС всегда была небольшой (основные добывающие страны в Западной Европе – Норвегия и Великобритания, причем обе за данный период сокращали объемы добычи), и в результате доля ЕС уменьшилась с 2002 г. – с 4 до 1,6% (табл. 1).

Доля стран НАФТА выросла до 21% мировой добычи (при некотором ее снижении в середине 2000-х гг.). А вот суммарная доля стран БРИКС стабильно росла. Отмечен рост с 18 до 21% за счет увеличения добычи в Российской Федерации (после ее сокращения в 1990-е годы) и Китае (до 190 млн т, 2017 г.).

Стоит напомнить, что перед распадом СССР в России в 1987 г. был отмечен максимальный уровень добычи – почти 570 млн. т. Данного объема добычи Россия так и не достигла (554 млн т, 2017 г.). При этом отметим, что в августе 2018 г. США по добыче сырой нефти вышли на 1-е место в мире (11,346 млн баррелей в сутки) опередив Россию (11,21 млн баррелей в сутки).

По потреблению нефти ситуация в мире несколько иная. Еще в 2002 г. на суммарную долю стран ЕС и НАФТА приходилось почти ½ мирового потребления (ныне лишь 37%). При этом происходило не только сокращение удельного веса стран этих экономических союзов в мировом потреблении нефти, но и снижены непосредственно объемы потребления в анализируемый период (в ЕС – с 706 до 624 млн. т; в НАФТА – с 1059 до 1056 млн т). За тот же отрезок времени потребление нефти в мире выросло менее чем в 1,5 раза, а вот в Китае за 15 лет – в 2,5 раза, в Индии – в 2 раза, и в Бразилии – в 1,5 раза. И соответственно доля БРИКС в мировом потреблении нефти увеличилась с 16 до 25% (табл. 1).

Все страны БРИКС находятся на индустриальной стадии развития, с большим энергопотреблением. А в высокоразвитых странах мира, к которым относятся страны ЕС и НАФТА (находящимся в основном уже на постиндустриальной стадии), в последние годы уделяется очень значительное внимание внедрению энергосберегающих технологий, в том числе развитию альтернативных источников получения энергии.

Динамика показателей НАФТА, ЕС и БРИКС по запасам, добыче и потреблению природного газа

По природному газу значительных изменений в удельном весе анализируемых объединений в мировой энергетике не отмечено (табл. 2).

Таблица 2.

Динамика доли стран НАФТА, ЕС И БРИКС в мировой энергетике (природный газ, %)

Объединения стран	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2017**
Запасы природного газа:							
НАФТА	4,5	4,8	5,1	5,3	6,2	6,0	5,6
ЕС	2,0	1,8	1,8	1,5	1,3	0,8	0,6
БРИКС	23,0	21,4	21,5	20,8	20,1	19,8	21,7
Добыча природного газа:							
НАФТА	28,8	27,7	26,6	26,1	25,6	26,6	25,9
ЕС	9,5	8,4	7,0	6,2	5,5	4,4	3,2
БРИКС	24,5	24,2	24,1	23,7	23,4	22,7	22,8
Потребление природного газа:							
НАФТА	29,8	29,1	27,2	26,9	26,5	27,1	25,7
ЕС	18,8	18,1	17,2	16,3	15,6	13,2	12,7
БРИКС	17,9	18,0	18,8	18,8	19,4	19,9	20,7

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Доля стран БРИКС в мировых запасах составляла около 22% в 2017 г., что намного выше, чем в ЕС (0,6%) и НАФТА (около 6%), даже суммарно. Непосредственно на долю России приходится 18% мировых запасов газа. А вот в добыче природного газа ситуация иная – доля НАФТА (26%, в том числе доля США – 20% мирового показателя) даже превышает суммарный удельный вес государств БРИКС в мировой добыче (около 23%), в том числе доля России – 17%.

В мировой энергетике с 1950 г. по 2017 г. добыча природного газа выросла с 0,2 до 3,7 трлн куб м. И в последние годы объемы добычи растут почти во всех регионах мира (только в ЕС было отмечено сокращение уровня добычи в 2 раза, при этом страны региона в основном импортируют природный газ). По потреблению природного газа ситуация похожая. Иными словами, суммарные запасы природного газа в странах БРИКС составляют около 20% мировых (примерно на том же уровне находится и их доля в мировой добыче и потреблении природного газа).

Динамика показателей НАФТА, ЕС и БРИКС по запасам, добыче и потреблению угля

Но где особенно заметно увеличение совокупного удельного веса стран БРИКС, – так это в добыче и потреблении угля (64-67%), и это при совокупных запасах этого вида ресурса в рассматриваемых странах – около 40% мирового показателя (табл. 3).

Однако самые крупные суммарные запасы всех видов углей находятся на территории США (24% мировых), при том, что в России – около 15% (по бурому углю доля выше – 28%

мировых запасов), в Китае – около 13% мировых запасов угля всех видов (запасы каменного угля – 18%).

Таблица 3.

Динамика доли стран НАФТА, ЕС И БРИКС в мировой энергетике (уголь, %)

Объединения стран	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2017**
Запасы угля (суммарные всех видов):							
НАФТА	28,0	28,0	28,0	29,8	29,5	28,5	25,0
ЕС	4,3	3,9	3,9	3,6	6,5	6,5	7,4
БРИКС	42,3	46,6	46,6	44,6	42,5	42,5	39,9
Добыча угля (всех видов):							
НАФТА	21,4	18,9	17,7	16,5	14,3	12,2	10,0
ЕС	13,3	11,3	9,7	8,6	7,5	7,2	6,3
БРИКС	48,0	53,3	55,6	57,7	61,2	63,1	63,5
Потребление угля:							
НАФТА	22,8	20,8	18,5	17,2	15,5	12,4	9,7
ЕС	12,9	11,2	9,9	8,6	7,7	7,7	6,3
БРИКС	47,4	52,3	56,7	58,9	61,6	64,6	67,4

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

А вот по добыче угля лидирует Китай (3,5 млрд т – около 46% мирового объема). Особенно эта страна увеличивала объемы добычи угля после кризиса 2008-2009 гг. (в целом с 2002 по 2017 гг. добыча увеличилась в 2 раза). В ЕС было отмечено снижение добычи угля в 2 раза в 1990-е годы, и наблюдалась стабильность объемов его добычи в 2000-е гг. (хотя доля ЕС в мировой добыче сокращалась). В НАФТА можно увидеть незначительное снижение и уровня добычи угля, и его потребления в анализируемый нами период при снижении доли в мировом объеме (с 20 до 10%).

Подушевые запасы энергоресурсов

Обычно сравнивают объемы запасов энергоресурсов в разных странах (в натуральных показателях или по стоимости в ценах на соответствующие даты), а также оценивают, на сколько лет стране хватит тех или иных запасов при современном уровне их добычи.

Нами были выполнены расчеты, отражающие подушевые показатели запасов энергоресурсов, и получены следующие результаты. Среднемировые показатели запасов нефти в расчете на 1 жителя нашей планеты на конец 2017 г. составили 32 т (благодаря крупным запасам и небольшому числу жителей в странах Ближнего Востока). Наименьшие показатели были отмечены в ЕС в целом (1,2 т нефти). При этом максимальный уровень запасов среди стран Западной Европы был отмечен в Норвегии при их 5,5 млн. населения – 185 т, а в Великобритании – менее 5 т.

Анализ показал, что средние арифметические показатели суммарных доказанных запасов нефти в расчете на 1 жителя интеграционного объединения НАФТА в 10 раз превышают таковые для БРИКС (70 т и 7 т на душу населения соответственно на начало 2018 г.). При расчетах по отдельным странам были получены следующие данные по запасам нефти в расчете на душу населения: США – 18 т; Китай – 2,5 т, Россия – 100 т (рис.2).

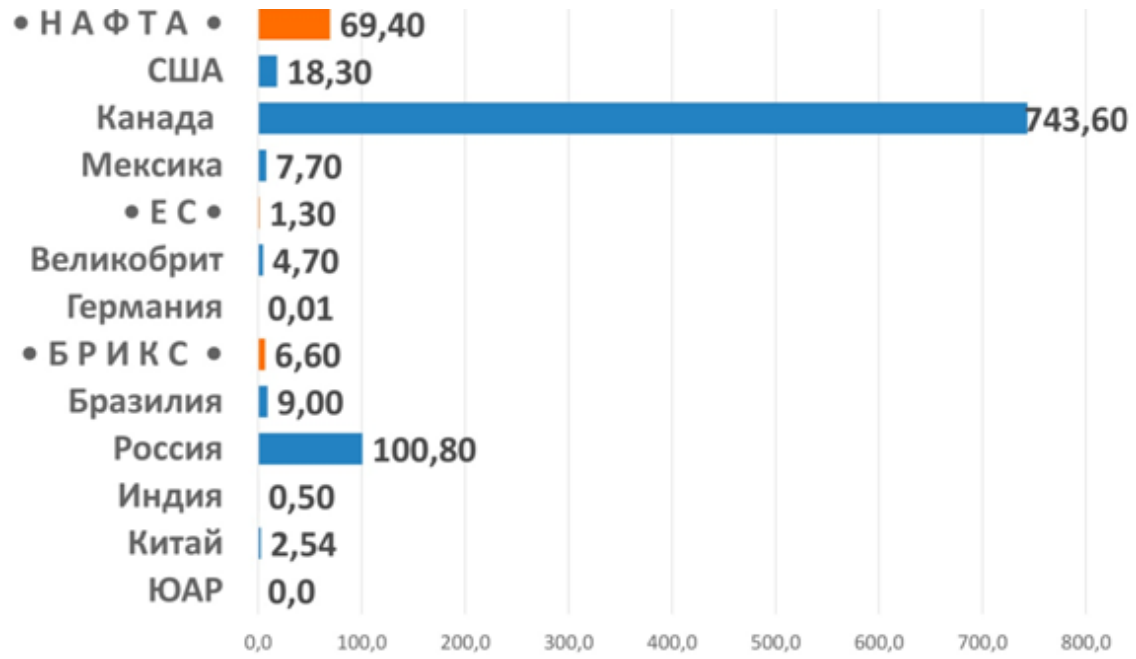


Рис. 2. Сравнение запасов нефти в расчете на душу населения в странах НАФТА, ЕС и БРИКС, тонны, 2017 г.

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

А вот уровень запасов природного газа на начало 2018 г. в БРИКС в расчете на душу населения вполне сопоставим с таковым в НАФТА (13,5 и 22 тыс. куб м соответственно), хотя и много выше, чем в ЕС – 2,3 тыс. куб м (рис.3).

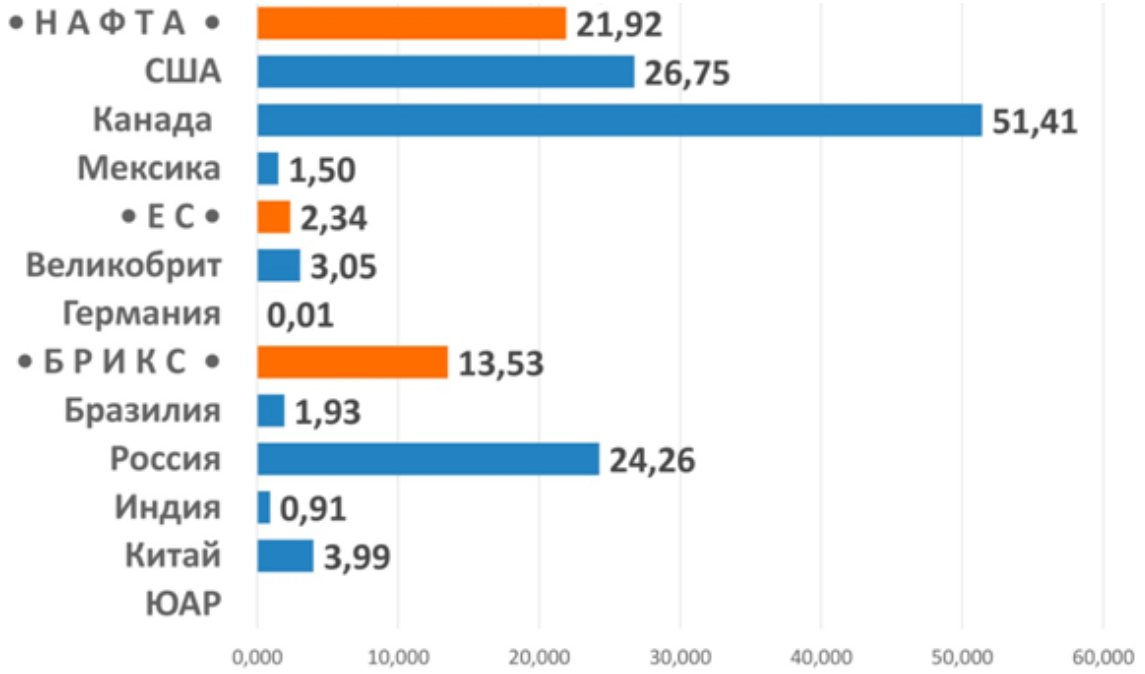


Рис.3. Сравнение запасов природного газа в расчете на душу населения в странах НАФТА, ЕС и БРИКС, кубометры, 2017 г.

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

А запасов угля, например, в НАФТА – 524 т (за счет уровня запасов в США в первую очередь) на одного жителя – в 4 раза больше, чем в ЕС (149 т) и в БРИКС (133 т) (рис. 4).

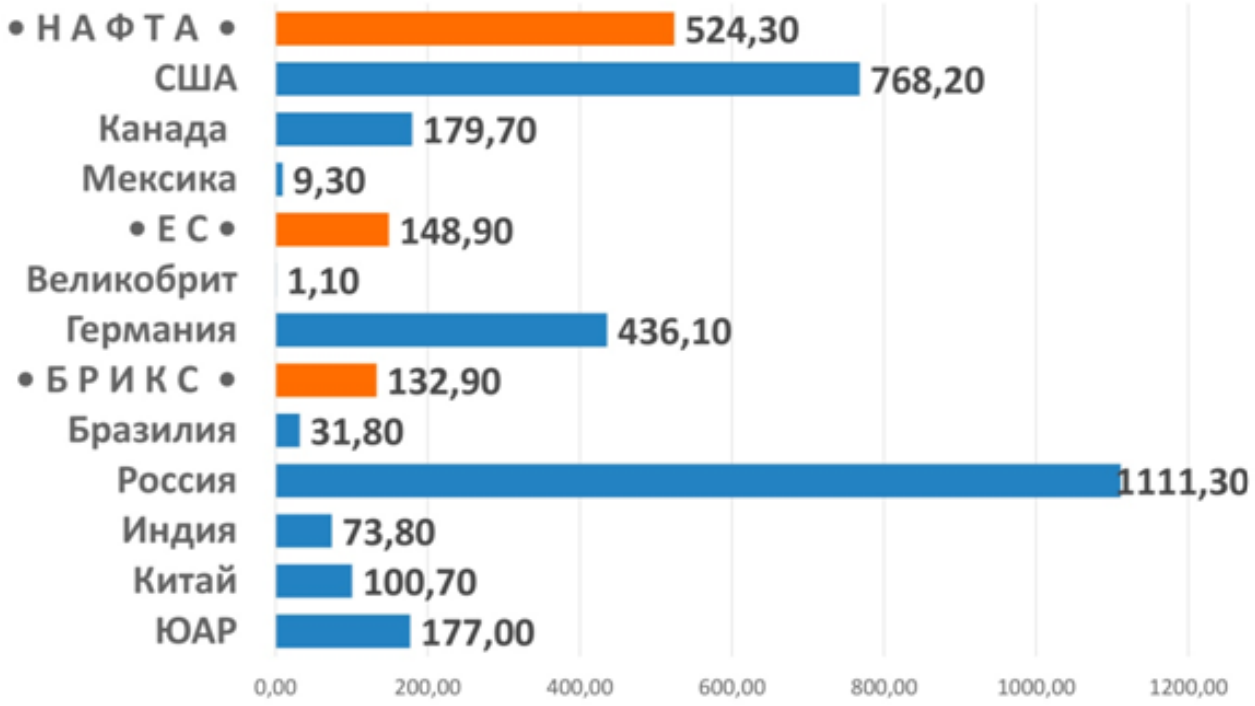


Рис. 4. Сравнение запасов угля в расчете на душу населения в странах НАФТА, ЕС и БРИКС, тонны, 2017 г.

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Таким образом, анализ показал, что страны БРИКС обладают не такими уж и огромными запасами энергетического сырья, и страхи и опасения мирового сообщества по поводу их превосходства в энергетической сфере явно преувеличены. Это особенно заметно при пересчете суммарных объемов запасов энергетического сырья в БРИКС в расчете на душу населения, особенно по сравнению с суммарными запасами ЕС и НАФТА. Показатели действительно не слишком велики, учитывая, что на 5 стран БРИКС приходится более 40% мирового населения (Родионова, Черняев, Шувалова, 2017).

Динамика производства и потребления электроэнергии в странах БРИКС

Нам было важно сопоставить не только данные о запасах энергоресурсов в расчете на душу населения, но и о производстве электроэнергии в рассматриваемых нами экономических объединениях (и отдельных странах этих объединений), рассматривая динамику их доли в мировой энергетике. Также важно было сравнить показатели производства и потребления электроэнергии в расчете на душу населения по странам и экономическим союзам. Были получены следующие результаты (табл. 4).

Производство электроэнергии в мире с 1950 г. выросло в 26 раз (с 0,97 до 25,6 трлн кВт/час, 2017 г.), и в 1,6 раза по сравнению с 2002 г. В ЕС и НАФТА производство увеличилось лишь в 1,1 раза, а суммарный показатель стран БРИКС вырос почти в 3 раза в период 2002-2017 гг. (до 39% мирового показателя). При этом суммарная доля стран, входящих в экономический блок НАФТА, сократилась с 30 до 21% мирового производства электроэнергии, и доля стран ЕС также снизилась – с 20 до 13% (табл. 4).

Таблица 4.

Динамика доли стран НАФТА, ЕС И БРИКС по производству электроэнергии и потреблению первичных энергоносителей (%)

Объединения стран	**2002**	**2004**	**2006**	**2008**	**2010**	**2012**	**2017**
Производство электроэнергии (%):							
НАФТА	30,1	28,4	26,8	25,6	24,2	22,7	20,7
ЕС	19,2	18,8	17,7	16,6	15,7	14,5	12,9
БРИКС	23,0	23,2	25,6	30,1	32,6	35,2	39,0
Потребление первичных источников энергии (%)							
НАФТА	27,8	26,7	25,1	24,0	22,8	21,6	20,5
ЕС	18,2	17,2	16,2	15,3	14,4	13,3	12,5
БРИКС	25,1	27,8	30,3	32,0	33,8	35,8	37,2

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

При этом объем производства электроэнергии в Китае увеличился почти в 4 раза за анализируемый период (с 1688 до 6532 млрд киловатт-часов в 2017 г. с учетом данных по Гонконгу), превысив суммарный показатель по ЕС (3287 млрд киловатт-часов в год) почти в 2 раза, и даже показатели стран НАФТА (5290 млрд киловатт-часов в год) (BP Statistical Review, 2018). Китай ныне является мировым лидером по производству электроэнергии (свыше 25%), имея огромные запасы угля, растущие запасы нефти и очень большой объем гидроэнергетических ресурсов.

Среднемировой показатель выработки электроэнергии на 2017 г. составил 3,4 мегаватт-час (МВт/ч) на 1 жителя планеты. Средний показатель по НАФТА – 10,7, по ЕС – 6,4, по БРИКС – 3 мегаватт/час (то есть средний показатель по БРИКС меньше, чем по ЕС и НАФТА). Проанализируем ситуацию по отдельным странам. В США производится ныне в расчете на душу населения 13 тыс. киловатт-часов (МВт.ч) электроэнергии в год, в России – 7,6, в Китае – 4,7, в Бразилии – 2,8, в Индии – 1,1 тыс. киловатт- часов электроэнергии в год (рис. 5).

Разница – очень существенная, хотя прогресс в этой сфере в странах БРИКС налицо (только в Китае с 2002 г. показатель производства электроэнергии на душу быстрорастущего населения этой страны вырос почти в 3 раза). В Индии – при быстром росте населения – данный показатель увеличился в 2 раза, хотя объем производства электроэнергии в стране вырос в 2,5 раза.

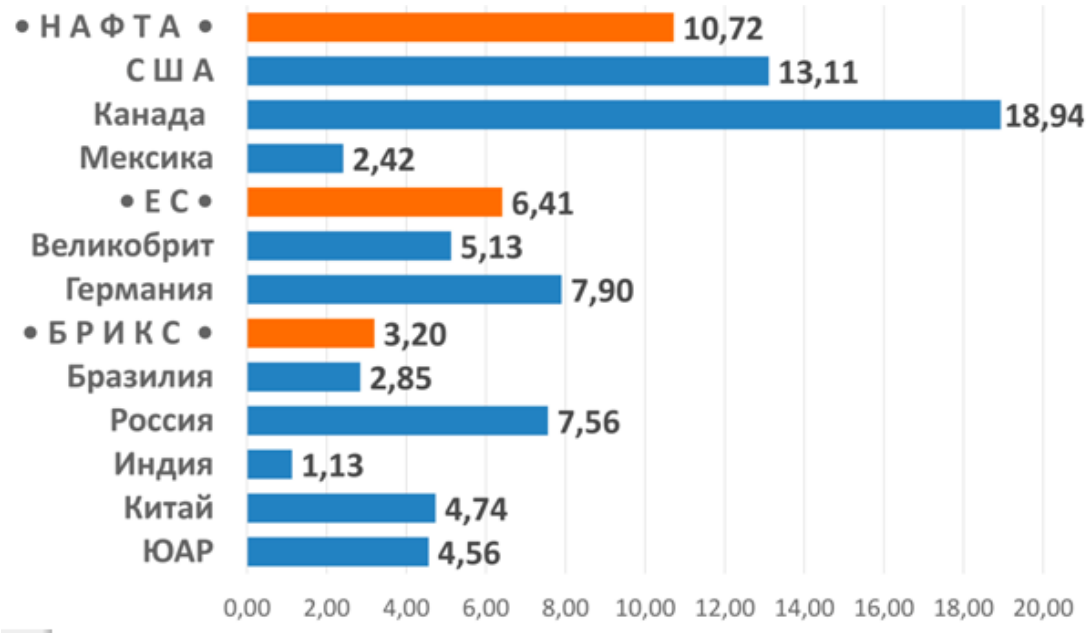


Рис. 5. Показатели производства электроэнергии в расчете на душу населения в странах НАФТА, ЕС и БРИКС, тыс. КВт/ч, 2017 г.

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Обсудим также ситуацию с потреблением первичных энергоносителей (табл. 4). Удельный вес БРИКС в мировом потреблении вырос с 2002 г. по 2017 г. с 25 до 37%, при этом доля ЕС сократилась с 18 до 12,5%, а доля НАФТА – с 28 до 25%. Это свидетельствует, во-первых, о росте энергоэффективности экономики высокоразвитых стран (за счет программ энергосбережения), а также, во-вторых, о развитии и росте потребностей экономики в странах БРИКС (в первую очередь в Китае). Сравнительные диаграммы иллюстрируют показатели потребления первичных энергоносителей на душу населения по странам НАФТА, ЕС И БРИКС (рис.6).

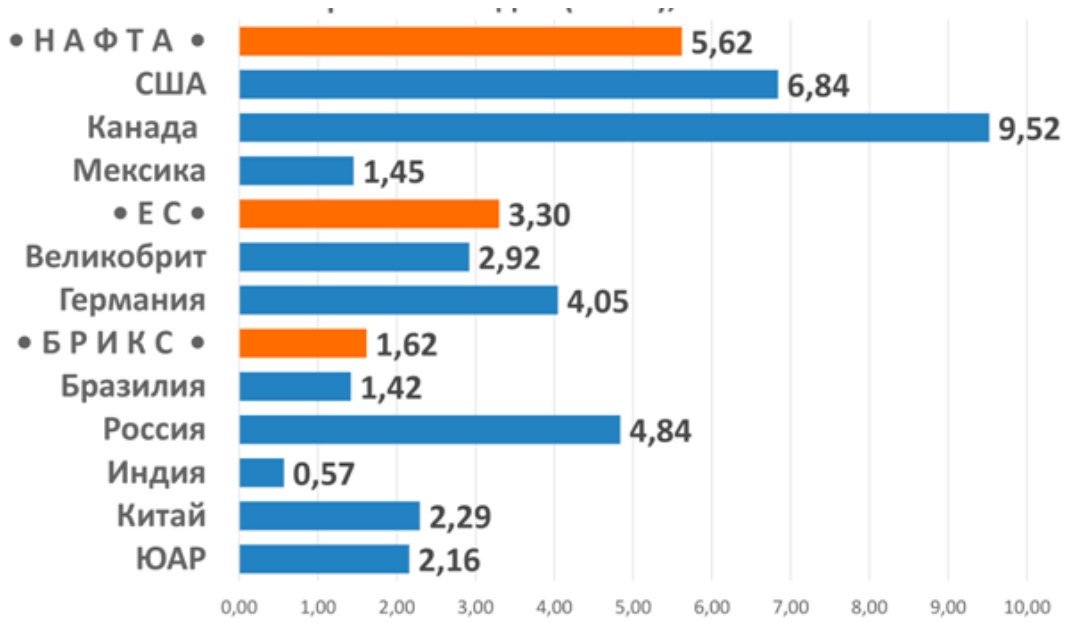


Рис. 6. Показатели потребления первичных источников энергии в расчете на душу населения в странах НАФТА, ЕС и БРИКС, тыс. КВт/ч, 2017 г.

Источник: рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, 2018.

Дискуссия

По нашему глубокому убеждению, успехи стран БРИКС в мировой обрабатывающей промышленности основываются не только на наличии энергетических ресурсов на их территории. Растут показатели производства электроэнергии за счет разных источников ее получения, и растут объемы промышленного производства.

Рассчитанный авторами «коэффициент индустриализации» характеризует уровень развития обрабатывающей промышленности в странах мира (рис.7).

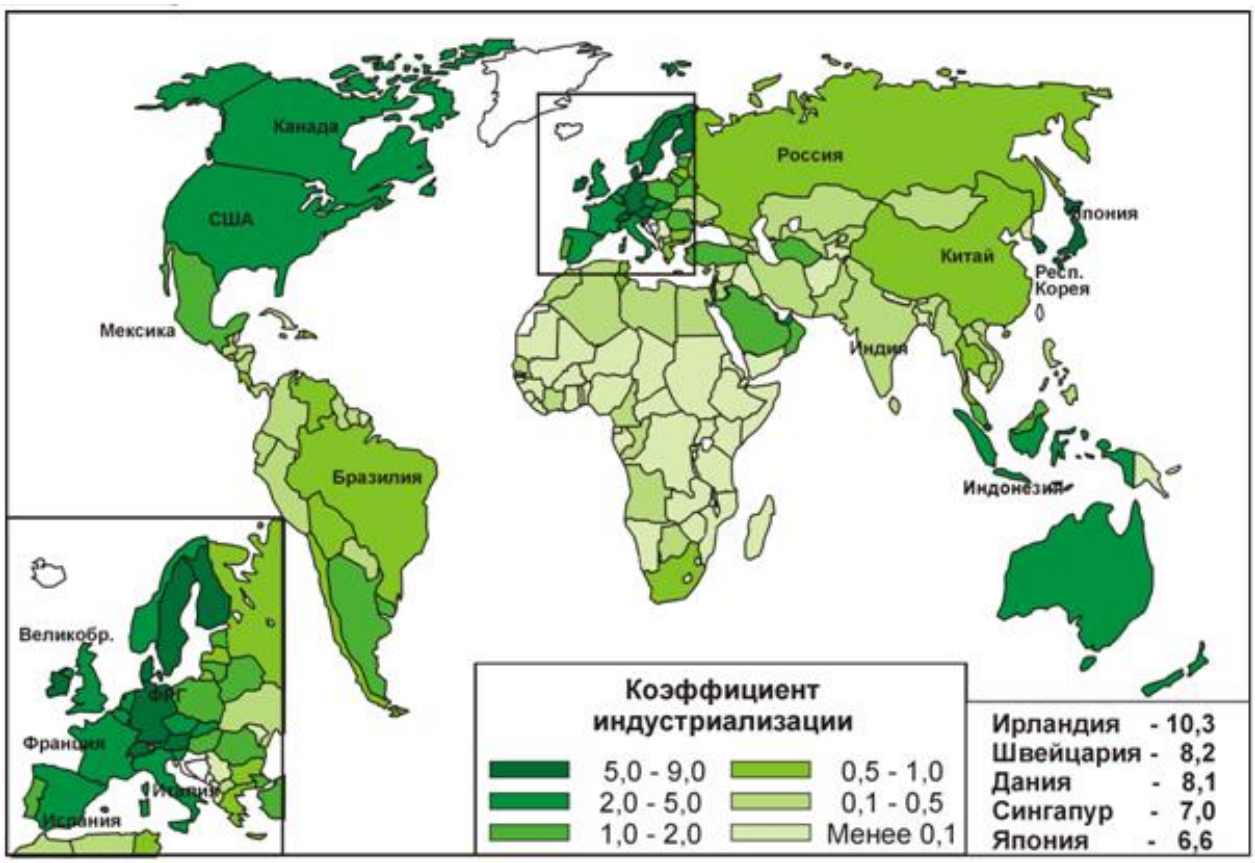


Рис. 7. Уровень индустриализации стран мира (коэффициент индустриализации).

Источник: Рассчитано и составлено авторами по: Science and Engineering Indicators, 2018.

Он представляет собой отношение доли той или иной страны в мировом объеме производства продукции обрабатывающей промышленности (value added of all manufacturing industries of current dollars) к доле той же страны в мировой населении. Иными словами, это еще один показатель на душу населения.

Проведенные нами расчеты и анализ данных Научного фонда США показал рост удельного веса стран БРИКС по сравнению с показателями НАФТА и ЕС в мировой обрабатывающей промышленности. Так, суммарный объем производства в странах БРИКС уже в 2016 г. превысил 35%. Это выше суммарного объема выпуска продукции странами экономического блока НАФТА (22,5%) и всеми 28 странами ЕС (19%). Для сравнения: в 2002 г. суммарная доля стран БРИКС составляла всего 12%, в то время как доля стран НАФТА – была почти 33%, а ЕС – свыше 27% (Рассчитано по: Science and Engineering, 2018). Иными словами, ситуация меняется. При этом в текущих ценах удельный вес Китая в

мировом выпуске продукции обрабатывающей промышленности превысил 28% (что выше, чем доля 28-ми стран ЕС). Хотя, согласно данным ЮНИДО (в постоянных ценах 2010 г.), удельный вес Китая составляет около 25% (но это все равно уже мировой лидер – «фабрика мира»).

Выполненные нами расчеты позволяют нам сделать вывод о том, что существует прямая корреляция (0.8-0.9) между показателями производства электроэнергии на душу населения, ВВП на душу населения и производством продукции обрабатывающей промышленности на душу населения (Родионова, Слука, Кокуйцева, 2016). Промышленность является основным потребителем электроэнергии.

По выпуску продукции высокотехнологичных отраслей (value added of HT manufacturing industries of current dollars) доля БРИКС также выросла (с 9% в 2002 г. до 26% в 2016 г.). Для сравнения: за тот же период удельный вес стран ЕС в мировом производстве НТ продукции сократился с 19 до 16%, а доля НАФТА при этом сократилась с 41 до 33%. При этом только на долю Китая в 2016 г. приходилось 23,5% мирового объема высокотехнологичной продукции, производимой в мире. Это 2-е место вслед за США.

Следует также подчеркнуть, что энергоемкость ВВП стран мира различается. Однако, по нашему глубокому убеждению, этот показатель в большей степени обусловлен природно-климатическими условиями (особенно это относится к таким странам, как Россия, например, и Канада), а не только свидетельствует об уровне технико-экономического развития экономики страны. Так, в Канаде энергоемкость ВВП в 1,5 раз выше, чем в США, и выше, чем в европейских странах, а в Китае – в 2 раза выше, чем в Индии и Бразилии, являющихся наименее энергоемкими экономиками мира (Родионова, Черняев, Шувалова, 2017). При этом причины снижения данного показателя кроются не только в технологическом развитии. Так, в 1990-е и 2000-е гг. в России (и других странах СНГ) энергоемкость ВВП сократилась. Но это явилось следствием экономического кризиса в результате распада СССР, когда практически вдвое и более сократился объем производства промышленной и сельскохозяйственной продукции (и закрылись многие предприятия, производившие ранее продукцию). К тому же возможностей для снижения энергоемкости ВВП в большинстве стран мира все меньше.

Тем не менее, энергоемкость ВВП, систем жизнеобеспечения населения в Российской Федерации высока и необходимо выполнение мероприятий государственной энергетической политики, обеспечивающих реализацию «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» по ее снижению (Энергетическая..., 2017).

Однако, как было уже отмечено выше, причины высокой энергоемкости российской экономики заключаются в суровых климатических условиях (в отличие от всех стран мира 2/3 территории России относятся к зоне севера, и около 60% территории – это зона вечной мерзлоты). Большой размер территории нашей страны (1-е место в мире) и, что очень важно, особенности размещения населения на ней определяют необходимость преодоления очень и очень значительных расстояний для доставки сырья (в том числе углеводородного), материалов и других товаров в разные регионы РФ. А это означает значительные расходы топливно-энергетических ресурсов на всех видах транспорта (от речного до авиационного).

Кроме всего прочего, велика доля (особенно в отдаленных регионах РФ) устаревших и изношенных жилых и общественных зданий, где расходы тепла на отопление превышают нормативы. Не следует сбрасывать со счетов пренебрежительное отношение большинства населения России к экономии и бережливости любых ресурсов (включая топливно-энергетические), и слабость политики в области энергосбережения и эффективного

использования энергетических ресурсов. Иными словами, имеются как объективные (природно-климатические), так и субъективные причины. Влияние последних может быть существенно снижено за счет целенаправленной государственной политики.

Но следует отметить тот факт, что в проекте «Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года» вновь прогнозируется рост добычи всех энергоресурсов, чтобы сохранить позиции России на мировом рынке энергоресурсов (Проект..., 2017). В данной Стратегии уточнены и скорректированы приоритеты, задачи, индикаторы реализации и прогнозные сценарии, принятые в «Энергетической стратегии-2030». Россия продолжит учитывать интересы всех участников БРИКС. Это будет способствовать укреплению энергобезопасности и повышению энергетической эффективности экономик стран этого блока. Основные направления дальнейшей работы - технологическое и научное сотрудничество, включая создание базы данных энергоэффективных технологий и обмен опытом. Была отмечена необходимость и важность разработки совместных проектов, которые могли бы финансироваться через Новый банк развития БРИКС (Страны БРИКС.., 2016).

Заключение

Основные мифы о БРИКС – это только информация, имеющая политическую окраску, и не подтвержденная статистикой и научными исследованиями. Страны БРИКС находятся в группе лидеров мировой индустрии. Особенно это заметно при анализе динамики производства продукции высокотехнологичных отраслей. Суммарные показатели выпуска продукции высокотехнологичных отраслей в странах БРИКС уже не просто сопоставимы с показателями НАФТА и ЕС, а зачастую значительно их превосходят. На наш взгляд, это лишь подтверждает широко декларируемый ныне тезис о том, что в ближайшие 20–30 лет именно страны БРИКС будут оказывать очень значительное влияние на происходящие в мировом сообществе процессы.

Усилия стран БРИКС по переформатированию глобального экономического порядка невозможно без укрепления их позиций в разных сферах деятельности и секторах экономики, в том числе в энергетике. Выполненные нами расчеты показали, что объемы запасов и уровень добычи и потребления основных энергоресурсов БРИКС не столь высоки (как принято думать и как подается об этом информация в СМИ), а вполне сопоставимы с данными по НАФТА. При этом данные показатели в расчете на душу населения в БРИКС сопоставимы с таковыми даже в ЕС.

А главное — это то, что не только имеющиеся в странах энергоресурсы определяют позиции государств в мировом табеле о рангах. Основные факторы – это проведение разумной экономической и непосредственно энергетической политики, развитие науки и техники, внедрение достижений НТР в производство и др. С точки зрения решения проблем по энергосбережению и повышению энергоэффективности экономики в странах БРИКС основными направления дальнейшей работы являются технологическое и научное сотрудничество, включая создание базы данных энергоэффективных технологий и обмен опытом.

Список литературы

1. Булатов А.С. (2015). Страны БРИКС в международном движении капитала // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 20-26 [Bulatov A.S. (2015). BRICS Countries in the International Movement of Capital // News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series. № 5. P. 20-26 (In Russian)]

2. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. (2016). Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник МГУ. Серия 5. География. № 1. – С. 3-12 [Kolosov V.A., Grechko E.A., Mironenko K.V., Samburova E.N., Sluka N.A., Tikunova I.N., Tkachenko T.K., Fedorchenko A.V., Fomichev P.Yu. (2016). Horizons of research in the field of geography of the world economy // Bulletin of Moscow State University. Series 5. Geography, № 1, 2016. - pp. 3-12 (In Russian)]

3. Липина С.А., Родионова И.А. (2015). Зеленая экономика в России: модель и прогнозы развития // Фундаментальные исследования № 2. С. 5462-5466 [Lipina S.A., Rodionova I.A. (2015). Green Economy in Russia: Model and Development Forecasts // Basic Research № 2. P. 5462-5466 (In Russian)]

4. Мастепанов А. (2016). Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления // Бурение & Нефть. № 1. [Mastepanov A. (2016). Cooperation of the BRICS countries in the energy sector as a factor in forecasting world energy consumption // Drilling & Oil. № 1. (In Russian)]. URL: http://burneft.ru/archive/issues/2016-01/13

5. Орешкина А. (2017). Ловцы ветра. Государственные корпорации начали осваивать ветроэнергетику // Компания. № 01 (922). С. 18-22 [Oreshkina A. (2017). Wind catchers. State corporations began to develop wind power // Company, No. 01 (922), pp. 18-22 (In Russian)]

6. Проект «Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года» (редакция от 01.02.2017) [The project "Energy Strategy of the Russian Federation until 2035" (revised from 01.02.2017) (In Russian)]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/1920

7. Родионова И.А., Слука Н.А., Кокуйцева Т.В. (2016). Производство высокотехнологичной продукции: позиции стран БРИКС в меняющемся мире // Успехи современного естествознания. № 3. С. 190-197 [Rodionova I.A., Sluka N.A., Kokuytseva T.V. (2016). Production of high-tech products: the position of the BRICS countries in a changing world // Successes of Modern Natural Science, № 3, pp. 190-197 (In Russian)]. URL: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=35847

8. Родионова И.А., Черняев М.В., Шувалова О.В. (2017). Оценка потенциала БРИКС в мировой энергетике // Фундаментальные исследования. № 6. С. 175-184 [Rodionova I.A., Chernyaev M.V., Shuvalova O.V. (2017). Estimation of the potential of BRICS in the global energy industry // Basic Research, № 6, pp. 175-184 (In Russian)]

9. Родионова И.А., Шкваря Л.В. (2012). Рост значения стран Азии - главный тренд мирового индустриального развития //Азия и Африка сегодня. № 12. С. 2-5 [Rodionova I.A., Shkvarya L.V. (2012). The growing importance of Asian countries is the main trend of global industrial development // Asia and Africa Today, No. 1, pp. 2-5 (In Russian)]

10. Садавничий В.А., Яковец Ю.В., Акаев А.А. (ред.) (2014). Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС.

М.: МИСК – ИНЭС – НКИ БРИКС [Sadovnichiy V.A., Yakovets Yu.V., Akayev A.A. (eds.) (2014). Perspectives and strategic priorities of the BRICS ascent. Scientific Report for the VII BRICS Summit. Moscow: MISK - INES - NKI BRICS (In Russian)]

11. Слука Н.А. (ред.) (2018). На пути к Китайскому миру: коллективная монография. – М.: Издательство Московского университета [Sluka N.A. (ed.) (2018). On the way to the Chinese world: a collective monograph. – Moscow: Moscow University Press (In Russian)]

12. Страны БРИКС договорились наращивать сотрудничество в области энергоэффективности (2016). The BRICS countries agreed to increase cooperation in energy efficiency (In Russian)]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/5571

13. Что ждать от рынка нефти в 2017 году? (2017) // БКС Экспресс. Новости и аналитика [What to expect from the oil market in 2017? (2017) // BCS Express. News and analytics (In Russian)]. URL: http://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-zhdat-ot-rynka-nefti-v-2017-godu

14. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Energy Strategy of Russia for the period up to 2030 (In Russian)]. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document122/

15. BP Statistical Review of World Energy June 2018 (2018). URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-electricity.pdf

16. Bandi Ram Prasad (2013). BRICS and the Global Economy // Financial Technologies Knowledge Management. BRICS Insight Paper 2, New South-South Co-operation and the BRICS New Development Bank, by Zhu Jiejin. URL: https://www.researchgate.net/publication/262643206_BRICS_and_the_Global_Economy

17. Building bridges among the BRICs (2015). Houndmills, Basingstoke, Hampshire New York, NY: Palgrave Macmillan. URL: http://find.lib.uts.edu.au/search?R=OPAC_b2911428

18. Luckhurst J. (2013). Building Cooperation between the BRICS and Leading Industrialized States. Latin American Policy. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lamp.12018/full

19. Marino Rich (2014). The Future BRICS. A Synergistic Economic Alliance or Business as Usual? New York: Palgrave Macmillan. URL: http://find.lib.uts.edu.au/search?N=4294232357

20. Mminele D. (2016). The role of BRICS in the global economy. URL: http://www.bis.org/review/r160720c.pdf

21. Sahu Manjeet Kumar (2016). Cooperation among BRICS in the Development of Energy Sector // Energy Revolution under the BRICS Nations, 3(1) BRICS Law Journal, pp. 34–41. URL: http://www.bricslawjournal.com/jour/article/view/31/32

22. Science and Engineering Indicators (2018). Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA. URL: http://nsf.gov

23. The World Factbook (2018). Central Intelligence Agency. USA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html

24. Yun Li, Dan Nie, Xingang Zhao, Yanbin Li (2017). Market structure and performance: An empirical study of the Chinese solar cell industry Renewable and Sustainable Energy Reviews Volume 70, pp 78–82. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032116308103

POSITIONS OF THE BRICS COUNTRIES IN THE WORLD ENERGY

Rodionova Irina Aleksandrovna,
Shuvalova Olga Vladimirovna,

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

Energy has paramount importance for the further development of global economics. The BRICS countries play an important role in the Global Energy Security System. The BRICS countries have significant weight, both in generation and in consumption of global energy resources. The author considers conduction of comparative analysis based on statistical data from official sources concerning the EU, NAFTA and BRICS in dynamics useful and interesting. Comparative analysis of BRICS, EU and NAFTA was carried out on the base of data from the British Petroleum (BP Statistical Review of World Energy), UNIDO and the National Science Foundation of the United States (Science and Engineering Indicators 2018) for the period from 2002 to 2017. The article shows that the energy intensity of GDP in states differs, that the presence of hydrocarbon reserves in the BRICS countries characterizes the energy security of these states Based on the study, the strengthening of BRICS countries positions in the global energy and industry is highlighted, also due to availability of energy resources on their territory. According to analysis the level of resources, production and consumption of energy resources in the BRICS is not so high and quite comparable to NAFTA indicators. But considering that BRICS countries own more than 40% of the world's population, these per capita indicators are comparable even with those in the EU.

Keywords*: BRICS, NAFTA, EU, energy, energy security, energy resources, manufacturing, high-tech production*

JEL-codes*: O13; Q32; Q43*

ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Дигилина Ольга Борисовна,[1]
Миронова Татьяна Геннадьевна[2]

Рассматривается экономика совместного потребления как новая экономическая модель в современном обществе в Российской Федерации и за ее рубежами на примере каршеринговых услуг. Представлен подробный анализ ситуации и проблемы внедрения каршеринга на российском рынке и в некоторых странах Азии: Японии, Индии и Китая. На основе проведенного анализа авторы обосновывают выводы о значительных перспективах данного нового явления экономика.

Ключевые слова: *экономика совместного потребления, каршеринг, автотранспорт.*

JEL-коды: *D 12, F 2, F 42.*

Sharing economy или collaboration economy – «экономика совместного потребления» – новая экономическая модель в современном обществе, которая основывается на совместном использовании товаров и услуг. Например, это автомобили, самолеты, жилье, техника – все, что нужно для комфортной жизни людей. Развитие телекоммуникационных технологий, распространение «всемирной паутины» интернета, появление социальных сетей… способствовало появлению этого вида экономической модели. Первыми, кто описал ее, были Рейчел Боцман и Ру Роджерс в своей известной книге «What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption» (Botsman R., Rogers R., 2010).

В настоящее время экономика совместного потребления (ЭСП) имеет свои перспективы: это возможность повысить рациональность потребления и экономия части денежных средств. Так как концепция совместного потребления не нова, то в современном варианте ЭСП развивается с учетом новых технологий – в первую очередь, это интернет-платформы. Они используются, к примеру, в поиске жилья, аренда вещей и т.д. По сравнению с обычной (традиционной) экономикой ЭСП обладает большим потенциалом к сокращению транзакционных издержек и отходов. Возникновение ЭСП связано с большой стоимостью собственности во всех крупных городах. Если за границей она очень популярна, то в России это движение только набирает свои обороты. В данной работе рассмотрим экономику совместного потребления на примере каршеринговых услуг в России, Японии, Индии, Китае.

Объектом исследования является экономика совместного потребления. А предметом – услуги предоставления объектов (автомобилей), находящихся в собственности, другим во временное платное пользование – каршеринг.

[1] *Дигилина Ольга Борисовна* – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия. E-mail: o.b.digilina@mail.ru

[2] *Миронова Татьяна Геннадьевна* – студентка Финансового университета при Правительстве РФ, Владимирский филиал, г. Владимир, Россия. E-mail: mironovatg98@yandex.ru

Каршеринг – это вид пользования автомобилем с поминутной оплатой, когда одна из сторон не является его собственником. Каршеринг возник как альтернатива владения автомобилем, стоимость содержания которого постоянно возрастает в результате плотности трафика, пробок, ограничения доступности и высокими ценами на парковку в крупном городе.

Развитие каршеринга в России началось с 2012 г. в Москве (Anytime) и с 2013 г. в Санкт-Петербурге (StreetCar). Рассмотрим динамику продаж автомобилей на первичном отечественном рынке, по данным Ассоциации европейского бизнеса (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика продаж новых автомобилей по России по годам, млн шт.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество проданных автомобилей	2,935	2,777	2,491	1,601	1,426	1,596

Источник: Ассоциация европейского бизнеса.

Согласно приведенным данным табл. 1 видно, что в 2012-2016 гг. наблюдалось падение потребительского спроса на покупку нового автомобиля. И только с 2017 г., когда экономика России перешла к восстановлению, наблюдается незначительное увеличение продаж на 12,5%. На фоне сложившейся ситуации каршеринговые услуги нашли свое применение на новом российском рынке.

К 2018 г. количество компаний, предоставляющих данные услуги, выросло с 2 до 28 (Каршеринг, 2018), а прокатных автомобилей, согласно данным PwC, сейчас около 15 тыс. (Пятое колесо, 2018), из которых 80% находится в Москве. Российский рынок кашеринговых услуг представлен также в таких городах, как: Санкт-Петербург, Сочи, Туапсе, Новосибирск, Грозный, Самара, Уфа, Красноярск, Челябинск, Ростов на Дону, Нижний Новгород, Краснодар, Калининград, Екатеринбург, Анапа. Крупнейшими сервисами по количеству машин стали Делимобиль (2200 шт.), BelkaCar (1750 шт.) и YouDrive (1150 шт.). Как и в любой новой отрасли каршеринг сталкивается с определенными препятствиями роста. К ним относятся: клиентура, транспортная инфраструктура, государственное регулирование и бизнес.

Согласно опросу пользователей каршеринга за IV квартал 2017 г. контакт-центра «Московский транспорт», 90% потребителей данных услуг составляют мужчины. У 57% опрошенных имеется свой автомобиль. Из них 47% готовы отказаться при поездках по городу от личного транспорта и только 10 % – полностью отказаться от него (Московский каршеринг, 2018). Из этого следует, что наличие личного автомобиля не гарантирует отказа потребителей от услуг каршеринга. Притом передвижение по городу на арендованном авто выглядит более выгодным для большинства собственников автотранспорта. Те 10%, кто полностью решил отказаться от собственного средства передвижения, предположительно, в будущем полностью перейдут на каршеринговые услуги. Данный опрос показывает положительную тенденцию к принятию населением новой экономической модели. И хотя 76% опрошенных по PwC (Публикации, 2018) согласны, что каршеринг помогает избежать трудностей с содержанием личного автомобиля, все-таки 70% предпочитают свой личный. По нашему мнению, владение частным транспортным средством в России является отражением социального статуса, поэтому часть обеспеченного населения не сможет отказаться от элемента престижа и комфорта.

Каршеринг популярен у 25% опрошенных в возрасте 20-34 лет, у 15% – в возрасте 35-54 лет, у 9% – 55-64 лет (Публикации, 2018). Привлекательность такого сервиса у молодежи,

прежде всего, связана с легкостью освоения технологий в области мобильных приложений и навигационных систем. Регистрация в каршеринг-сервисе проходит на сайте или в мобильном приложении с привязкой банковской карты в личном кабинете и проверки персональных данных паспорта и водительских прав, затем происходит подписание договора. Основные действия делаются с мобильного приложения на смартфоне – бронирование, доступ в машину, управление арендой, оплата. Общение со службой поддержки через чат-боты или с того же приложения, что представляется сложным для большинства людей старшего возраста. Однако показатель в 25% среди активной части населения пока нельзя назвать высоким. Еще одной возможной причиной невостребованности каршеринга среди населения может быть повышенное чувство комфортности от использования личного транспорта: каршерингом пользуются чужие люди, нельзя перестроить машину на свой вкус, салон может быть испорчен предыдущим водителем и т.д.

Другим препятствием роста одного из направлений Sharing economy является транспортная инфраструктура. Следствием урбанизации стало увеличение количества транспорта. По данным рейтинга сервиса Google Карты (ТОП-10, 2017), был составлен топ-список городов России с самыми загруженными дорогами – табл. 2.

Таблица 2.

ТОП городов-миллионников России с самыми загруженными дорогами, 2017 г.

Место	Город
1	Москва
2	Самара
3	Красноярск
4	Уфа
5	Воронеж

Источник: разработано авторами по: ТОП-10, 2017

Все города, кроме Воронежа, представленные в таблице 2, входят в зону предоставления услуг каршеринга. Столица здесь занимает лидирующую позицию. Данные мегаполисы отличаются высоким уровнем «пробок» на дорогах, в отличие от малых городов России, где нет проблемы добраться на личном авто до места назначения. Следует отметить, что на данный момент саму проблему разгрузки дорог в «час пик» каршеринг не решает. Если только большинство автовладельцев не откажутся от своего транспорта и не пересядут на арендованный. У водителей заемного транспортного средства лишь появляется возможность бесплатно оставлять авто на платной парковке и не перегружать бесплатные. Далее она будет использоваться другим арендополучателем.

Обратим внимание на то, что краткосрочная аренда транспортного средства на данный момент существует только в больших городах России с многомиллионным населением, частыми пробками и проблемами с парковками. Удобство использования каршеринга сравнивается с услугами такси. По данным опроса Авто Mail.ru (Авто Mail.Ru, 2018), на конец 2016 г. 65% респондентов видят в каршеринге альтернативу такси.

Несмотря на это, новое веяние полностью не вытеснит привычные транспортные услуги, так как рассчитано на разные ниши: не у всех есть права на управление автомобилем и не всегда водитель в состоянии безопасно осуществлять поездку. При этом цена – на сравнительно большие расстояния внутри города на такси – устанавливается как за минуту,

так и за километраж, включая затраты на оплату работы водителя. Сейчас есть возможность заранее оговорить фиксированную плату, которая очень удобна при поездке в «час пик»: не придется переплачивать время простоя в «пробке», в отличие от каршеринга. Что нельзя сказать про малые города, в которых нет подобных неудобств, а также проблем с парковками и относительно низкие цены на такси (табл. 3).

Таблица 3.

Сравнение цен на Яндекс.Такси эконом класса, 2017 г.

Город	Минимальная стоимость, руб.	Тариф по городу, руб./км	Далее по городу, руб./мин	За 4 км, руб.
Москва	не более 99	не более 9	не более 9	183
Санкт-Петербург	не более 49	не более 13	не более 5	137
Владимир	не более 59	не более 10	не более 1	99
Иваново	не более 79	не более 11	не более 1	106

Источник: ТОП-10 городов России с самыми жуткими пробками (2018).

Сравнив цены на поездку (табл.3) в одном из самых бюджетных такси России по городам с разной численностью населения, можно сделать вывод, что в городах-миллионниках выше оплата за транспортные услуги. Тем самым ощутимее разница при сравнении с поминутными услугами каршеринга. До тех пор, пока в малых городах цены на такси не станут значительно выше, потребители не ощутят особого превосходства нового явления экономики.

В Москве 14 октября 2017 г. произошел запуск каршеринговых электромобилей BMWi3 на платформе YouDrive. Арендовать такой автомобиль можно будет за 1000 руб. в час без использования поминутной оплаты. В сравнение: Mercedes-Benz CLA обойдется в 960 руб. в час с возможностью поминутной оплаты. На этом сложности не заканчиваются. Доступ к прокату будет открыт только пользователям с седьмым уровнем и выше. Это значит, что Вам придется в течение длительного времени активно пользоваться услугами компании, чтобы в конечном итоге прокатиться на данном электромобиле.

Услуги краткосрочной аренды основаны на том, чтобы водитель мог оставить заемный автомобиль по месту прибытия буквально в ближайшей улочке или парковке. Это удобно для него – не надо никуда специально отвозить машину, для будущего водителя – транспорт в шаговой доступности. За пределами города нет множества специально оборудованных парковок; машину так просто не оставить в селе; есть вероятность того, что ее не смогут забрать другие желающие, т.к. должен быть слишком большой автопарк, чтобы машина была в зоне постоянной «минутной» доступности. Выход видится в развития пригородных густонаселенных областей.

Органы государственного регулирования поддерживают новый общественный транспорт, т.к. он решает проблему с переполненными парковками. 19.08.2015 правительство Москвы первым приняло постановление №523-ПП, регламентирующее выдачу льготных парковочных разрешений для операторов каршеринга. Так, в Москве водителям, использующим каршеринговые автомобили, разрешено бесплатно оставлять их на платных парковках. Во-первых, «бросать» их дальше разрешенной зоны нельзя. И что делать тем, кому нужно ехать дальше?! Пересаживаться на привычный общественный транспорт или идти пешком... Во-вторых, в «час пик» каршеринговые автомобили могут

быстро освобождать парковочные места в связи со срочной необходимостью для пользователей, а в оставшееся время они могут также загромождать парковки. Возможно, что со временем внушительная часть населения все-таки перейдет на услуги каршеринга и откажется от покупки собственного автомобиля. Тогда в государственный бюджет будут недопоступать денежные средства с налога на имущество. Следовательно, привилегию для данной ниши (отрасли) сменят новые налоги на каршеринговые компании.

Теперь рассмотрим сферу бизнес-услуг. Какие риски несут предприниматели, регистрируя каршеринговую компанию (Компании сознательно работают в минус, 2018)?

Во-первых, это большие материальные вложения на первоначальном этапе. К примеру, в Москве, при запуске необходимо минимум пару тысяч автомобилей, чтобы выглядеть внушительно на рынке. Во-вторых, придется разрабатывать свою платформу для имиджа или присоединяться к крупным компаниям. В-третьих, даже в городах-миллионниках для оптимального функционирования достаточно 4-5 операторов каршеринга с большим автопарком. Устанавливать новые приложения компаниям с малым количеством транспортных средств не представляет интереса для потребителей и ведет к увеличению простоев. В-четвертых, чтобы управлять таким бизнесом, нужен высокопрофессиональный штат работников: технический директор, fleet-менеджер, собственные разработчики и performance marketing. В-пятых, автомобили для каршеринга, в основном, берутся в операционный или финансовый лизинг, что представляет собой некоторый риск для компании в условиях неплатежеспособности. Так, уже на этапе запуска надо привлекать большое количество пользователей. В-шестых, для закупки большого автопарка необходимо заключать договоренности с автодилерами. При этом необходимо быть внимательным, чтобы не переплатить тем, у кого цена выше, чем у конкурентов. В-седьмых, короткие поездки ведут к увеличению времени простоя машин, что в конечном итоге сказывается на прибыли компаний. В-восьмых, не все компании могут приобрести льготные разрешения на парковку. А это весомая статья затрат для владельцев сервиса. Например, в Москве за 1 автомобиль придется заплатить около 30 тыс. руб. в год. В-девятых, постоянные затраты на замену автомобиля каршеринга, срок службы которого не может превышать 3-х лет, согласно требованиям департамента транспорта. В-десятых, необходимость заключать договоренности с топливными компаниями о скидках, или с официальными или неофициальными дилерами об обслуживании автомобилей, а также решать вопрос: нанимать ли механиков в собственный штат. Также существует риск не справиться с уже имеющейся конкуренцией на рынке.

Например, чтобы конкурировать с Яндекс.Драйвом придется снижать цены на краткосрочную аренду. Представители ГК «АвтоСпецЦентра» отмечают, что оптимальный период окупаемости: 10-20 месяцев, в течение которого компания должна придерживаться эффективной стратегии, чтобы не уйти раньше с рынка. По мнению экспертов, в каршеринге на прибыль негативно влияют вандализм, возможный угон автомобиля и серьезные аварии. Также при коллективном использовании увеличивается риск повреждений, поэтому страховые агентства неохотно заключают сотрудничество с каршеринговыми компаниями.

Экономика совместного потребления в виде каршеринговых услуг активно развивается и за рубежом. США является мировым лидером в этой области с ведущей компанией ZipCar, насчитывающий более 800 млн клиентов и автопарком приблизительно в 10 тысяч автомобилей. Следом за Америкой идут европейские страны (Германия, Великобритания, Франция) с популярными операторами «DriveNow» и «Car2Go». Не отстает

и Прибалтика – Эстония, Латвия, Литва – с компаниями «CarGuru» и «CityBee». Рассмотрим особенности (проблемы) развития этих услуг в азиатских странах: Японии, Китае, Индии.

Несмотря на то, что Япония считается одной из самых развитых стран мира, устоявшиеся традиции отрицательно влияют на отношение японцев к шеринговым сервисам вообще. Это, в свою очередь, снижает популярность продвигаемых услуг. Так, объем шеринговой экономики по данным The Economist в Японии оценивается всего в 11 млрд долл., в Китае – 229 млрд долл. в год, что во многом выше, несмотря на численность населения. Для наглядности проведем сравнительную характеристику каршеринга Японии, Китая и Индии (табл. 4).

Таблица 4.

Сравнительная характеристика каршеринговых услуг по странам

Страны/Критерии	Япония	Китай	Индия
Юридические особенности заключение договора	старше 18 лет, документы в виде загранпаспорта, международные права, залог, опыт вождения более 1 года	временные китайские права на 3 месяца, оплатить залог (700-1500$) и страховой взнос (5-10$/день), медкомиссия	Загранпаспорт, водительские права международного образца, залог (чаще 100%), полис обязательного страхования
Цена	автомобиль класса Toyota Corolla со стандартной страховкой будет стоить около 100 $ за сутки, экономического класса – 70-80 $ за сутки	аренда электрокаров по скидке в 1-ый день составляет 1 юань (0,14 $), зависит от коробки передач, мощности двигателя, года выпуска авто и так далее от 43,5 $ в день	в среднем бюджетное авто 10-15 $ в день на небольшой срок или 180$ в месяц
Агентства	Toyota Rentacar, Nissan Rentacar, Nippon Rentacar, Times Car Rental	Togo, Gofun	Savaari Car Rentals, Bharat Tours, State Express
Транспортная инфраструктура	левостороннее движение, большое количество платных дорог, оплачиваемых водителем, многочасовые пробки, дорожные указатели на японском языке, электронная система оплаты движения	правостороннее движение, платные скоростные трассы, указатели на китайском языке	левостороннее движение; различные транспортные средства, животные, пешеходы, затрудняющие соблюдение правил дорожного движения, аварийное состояние дорог
Парковки	городские (муниципальные) ограничивают время 40 мин – 1 час за 1,3-3 $ за пределами активных городских зон и в районе 7,6 $ в центре. На	недостаток парковочных мест разрешает оставлять транспортное средство на улице в направлении движения,	многие парковки бесплатны, стоимость платного паркинга – одна из самых низких в мире – меньше 2 $ в сутки

	многих нельзя оставлять машину в ночное время суток. Частные парковки представлены как подземные либо многоэтажные комплексы со стоимостью выше городских. Бесплатные парковки находятся лишь вблизи торговых центров при предъявлении чека покупки	большинство парковок платные (в зависимости от района)	
Возврат автомобиля	с полным баком бензина, без повреждений, иначе накладываются штрафы; маршрут в «один конец» обговаривается заранее	без повреждений, иначе будет наложен штраф	без повреждений
Оплата	банковская карта, наличные	возможна через смартфон при долгом проживании в стране (необходим комплект документов)	наличные или кредитная карта

Источник: составлено авторами.

Можно сделать следующие выводы:

1) В рассматриваемых странах пользование каршеринговыми услугами предполагает сбор большого количества документов, требующих затрат времени и денег;

2) В Индии каршеринг представлен в виде аренды автомобиля с ценами ниже, чем в Китае и Японии.

3) Дорожное движение в Японии и Индии – левостороннее, что создает неудобство в управлении автомобилем для туристов, привыкших к правостороннему. Также в стране «восходящего солнца» чрезмерное количество платных автотрасс, которые арендополучатель должен оплачивать сам. В Индии же разнообразие транспортных средств (включая животных) без соблюдения ПДД приводит к хаотичному движению на дороге.

4) В Японии самая сложная ситуация с парковками (по сравнению с Китаем и Индией): ограничения во времени приводит к неудобствам постоянной перепарковки машины для водителя, проблемы с государственными парковками в ночное время и высокие тарифы в частных, которые к тому же оборудованы сложными системами для туристов. В Китае проблему с парковками решают путем законодательного разрешения оставлять транспорт в любом месте по ходу движения. И только в Индии большинство парковок совершенно бесплатны, а цена платных очень низка, что связано с уровнем жизни граждан в стране.

5) Общие требования возврата арендованного авто – без повреждений. В Японии обязателен возврат полного бензобака и дополнительная оплата за проезд без сдачи машины в специально отведенное место.

6) Оплата производится как наличными, так и по карте во всех трех странах.

В настоящее время правительство Китая вводит специальный закон, согласно которому 8% от производства автомобилей одной марки должны составлять электромобили или гибриды. Но для этого также нужно создать подходящие условия и оборудовать заправочные станции для таких автомобилей. Ведь если большинство туристов и китайцев будут ездить на электрокарах, то количество розеток должно быть соответствующим. Таким образом, у Китая есть все возможности в ближайшем будущем стать лидером в сфере применения арендованного экологичного транспорта.

Как развивается такси в азиатских странах в настоящее время? В табл. 5 представлена характеристика данного процесса.

Таблица 5.

Сравнительная характеристика такси в азиатских странах

Страны/Критерии	Япония	Китай	Индия
Виды	государственные и частные	контролируется деятельностью государства	государственные и частные
Общение	редко используется международный язык общения – английский	незнание китайского языка вызывает трудности при разговоре с таксистом	английский язык
Цена	минимальная – начиная с 5,8 $, далее начисляется 0,7 $ за каждые 280 метров. Если вы застряли в пробке, за каждые 135 секунд простоя счетчик начисляет 0,8 $, исходя из курса 1$ =112,98 иен. Ночной тариф с наценкой в 30%.	складывается из посадки в такси в среднем 1,45$, входящие в 3-5 км маршрута, оплата за километраж 0,22-0,73$, оплата за простой в пробке, бензиновый сбор 0,29-0,44 юаня.	0,14-0,21$ за км, ночной тариф в 1,5 раза дороже.

Источник: www.arrive.ru/indiya/arenda-avtomobilya-v-indii.html

Пользование услугами такси в азиатских странах предполагает знание национального языка, что вызывает определенный языковые сложности у туристов. Исключение составляет Индия, в которой используется международный английский и цена на перевозки минимальная из трех рассматриваемых государств. Самые дорогие услуги такси в Японии.

Экономика совместного потребления основана на доверии людей, без которого невозможно взаимодействие и развитие этой модели, она является инновационной отраслью и получила широкое распространение по всему миру, в том числе и у нас в России. Хотя спрос на услуги кашеринга у населения формируется, но при этом россияне не торопятся расставаться со своим любимым автомобилем, в отличие от зарубежных пользователей кашеринговых услуг. О недостаточной развитости экономики совместного потребления говорит и малый охват территорий. В основном – это города-миллионники.

Считаем, что пока каршеринговые компании будут испытывать в ближайшем будущем определенные трудности в своем развитии, однако уже сейчас складываются позитивные предпосылки, способствующие росту нового направления бизнеса экономики совместного потребления.

Список литературы

1. Подгайская А. (2017). Экономика совместного потребления: зарубежный и отечественный опыт // Общество и экономика: сб. статей. М., С. 36-44. [Padhaiskaya A. (2017) the Economy of collaborative consumption: domestic and foreign experience // Society and economy: collection of articles. Moscow, pp. 36-44. (In Russian).]

2. Botsman R., Rogers R. (2010). What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. London: Collins.

3. Авто Mail.Ru: две трети российских интернет-пользователей верят, что каршеринг сможет заменить такси (2018). URL: https://corp.mail.ru/ru/press/infograph/9772 [Auto Mail.Ru: two-thirds of Russian Internet users believe that car sharing can replace taxis (2018). (In Russian).]

4. Делиться надо: как работает экономика совместного потребления (2018). URL: https://ria.ru/economy/20170813/1500226075.html [It is necessary to share: how the economy of joint consumption works (2018). (In Russian).]

5. Двенадцать миллионов поездок с начала года: почему каршеринг становится все популярнее у москвичей (2018). URL: https://www.mos.ru/news/item/45314073 [Twelve million trips since the beginning of the year: why car sharing is becoming more popular among Muscovites (2018). (In Russian).]

6. Каршеринг. Все операторы (2018). URL: https://truesharing.ru/carsharing [Carsharing. All operators (2018). (In Russian).]

7. Каршеринг в России: обзор рынка (2018). URL: https://iot.ru/gorodskaya-sreda/karshering-v-rossii-obzor-rynka [Car sharing in Russia: market review (2018). (In Russian).]

8. Компании сознательно работают в минус: на чем строится бизнес каршеринговых сервисов в России (2018). URL: https://vc.ru/transport/48889-kompanii-soznatelno-rabotayut-v-minus-na-chem-stroitsya-biznes-karsheringovyh-servisov-v-rossii [Companies deliberately operate at a loss: how to build a business karteninhaber services in Russia (2018). (In Russian).]

9. Московский каршеринг (2018). URL: http://transport.mos.ru/common/upload/public/Каршеринг.pdf [Moscow car sharing (2018). (In Russian).]

10. Публикации (2018). URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/autotech-russian.pdf [Publications (2018). (In Russian).]

11. Пятое колесо (2018). URL: https://rg.ru/2018/10/09/kak-budet-razvivatsia-karshering-v-rossii.html [Fifth wheel (2018). (In Russian).]

12. ТОП-10 городов России с самыми жуткими пробками (2017). URL: https://www.avtovzglyad.ru/obshestvo/dorogi/2017-02-17-nazvan-top-10-gorodov-rossii-s-samymi-zhutkimi-probkami [TOP 10 cities in Russia with the most terrible traffic jams (2017). (In Russian).]

DEVELOPMENT OF COLLECTIVE CONSUMPTION ECONOMY IN RUSSIA AND ABROAD BASED ON ANALYSIS OF CARSHARING SERVICE AS AN EXAMPLE

Digilina Olga Borisovna,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

Mironova Tatyana Gennadyevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladimir branch),
600037, Vladimir, Tikhonravov St., 1

The article contains analysis of collective consumption economy as a new model of economy in modern society in Russia and abroad taking carsharing as an example. The article contains detailed description of problems of carsharing service in Russia and in Asian countries: Japan, India and China. The authors give their opinion on perspective of further development of carsharing service.

Key words: *collective consumption economy, carsharing, automobile transport, economy of sharing.*

Jel codes: *D 12, F 2, F 42.*

РЫНОК ЖИЛИЩНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ[1]

Овсянникова Татьяна Юрьевна[2],
Рабцевич Ольга Валерьевна[3],
Югова Ирина Владимировна[4]

Статья посвящена анализу рынков жилищных инвестиций в России, Китае, Японии и других странах. Показаны сущность и структура рынка жилищных инвестиций. Отмечается, что инвестиции являются не только проводниками экономических ресурсов, новых технологий, но и кризисных процессов. Показано, что рынок жилищных инвестиций является чрезвычайно чувствительным к проявлениям экономической нестабильности, последствия глобальных экономических кризисов сказываются на рынке жилья многие годы. В то же время нестабильность рынков жилищных инвестиций приводит к нестабильности национальных и глобальных экономических систем. С использованием большого объема статистической информации авторами выполнены сопоставления основных жилищных индикаторов в разных странах, дан анализ динамики и тенденций развития рынков жилищных инвестиций в России, Китае, Японии. Сделаны выводы о необходимости мониторинга не только национальных, но и мировых рынков жилья с целью предотвращения негативных тенденций и устранения угрозы экономических кризисов.

***Ключевые слова**: жилищные инвестиции, жилищное строительство, рынок жилищных инвестиций, динамика в развитии рынка, международные сопоставления.*

***JEL-коды:** D 61, F 63.*

Введение. Рынки жилищных инвестиций и мировой экономический кризис

В условиях глобализации и развития транснациональных экономических процессов инвестиции играют роль основных элементов, связующих экономики разных стран. Движение капитала из одной национальной экономки в другую становится мощным

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Томской области (проект № 18-410-700013).

[2] *Овсянникова Татьяна Юрьевна* – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экспертизы и управления недвижимостью Томского государственного архитектурно-строительного университета. tatovs@mail.ru

[3] *Рабцевич Ольга Валерьевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры экспертизы и управления недвижимостью Томского государственного архитектурно-строительного университета.

[4] *Югова Ирина Владимировна* – старший преподаватель кафедры экспертизы и управления недвижимостью Томского государственного архитектурно-строительного университета.

импульсом в развитии стран-реципиентов. Однако инвестиции являются не только проводниками капитала, новых технологий, материальных и интеллектуальных ресурсов, но и теми каналами, по которым распространяются кризисные процессы. Явления экономической нестабильности в одной стране провоцируют экономическую нестабильность в другой. И чем теснее инвестиционная зависимость национальных экономик, тем быстрее распространяются на связанные инвестициями страны кризисные процессы.

На первый взгляд, сказанное выше не относится к рынку жилищных инвестиций. В силу локального характера этого рынка, территориальной связанности жилища как товара, для жилищных инвестиций не характерны значительные экспортно-импортные движения. Вряд ли частные жилищные инвестиции, осуществляемые наиболее состоятельными согражданами, приобретающими виллы на лазурных берегах, можно рассматривать как значительные инвестиционные потоки. Между тем, рынок жилищных инвестиций относится к подсистемам экономики, наиболее чувствительным к кризисным явлениям. Это обусловлено, с одной стороны, значительной зависимостью рынка жилищных инвестиций от глобального финансового рынка, а с другой стороны – нестабильностью спроса, реализуемого на рынке неинституциональными инвесторами (домохозяйствами), остро реагирующими на малейшие проявления экономической нестабильности. Экономическая несбалансированность в развитии рынка жилищных инвестиций усиливается не только в период кризиса, но и в предкризисный и посткризисный периоды. Учитывая сокращение разрывов времени между экономическими циклами, можно утверждать, что нестабильность и несбалансированность в развитии рынка жилищных инвестиций являются перманентными.

Так, например, по мнению профессора университета Heriot-Watt University Колина Джонса (Edinburgh, United Kingdom), изучавшего рынки жилья в разных странах, последствия глобального экономического кризиса 2007-2008 гг. проявлялись некоторых странах почти десять лет (Джонс, 2016). При этом рынки разных стран обнаруживали схожие тенденции в своем развитии.

В свою очередь, рынки инвестиций, и, в частности, рынки жилищных инвестиций, оказывают значительное влияние на состояние национальных и глобальных экономик. Это влияние подтверждается в исследованиях многих отечественных и зарубежных ученых. Рынки недвижимости, и, в частности, рынки жилья, могут стать не только «локомотивами экономики» (Аганбегян, 2012; Breuer et al., 2012), но и источниками нарастания кризисных процессов. Достаточно вспомнить, что импульсом к глобальному экономическому кризису 2007-2008 гг. послужил рынок жилищного кредитования в США. Истоки глобального экономического кризиса и роль в этих процессах жилищных инвестиций хорошо показаны в исследованиях (Джонс, 2016; Case, 2007).

Так, в США, в период между 2000 и 2005 гг. стоимость земли и жилой недвижимости возросла с 14 трлн. долл. до 24 трлн. долл. В некоторых странах продолжительный рост цен, начавшийся еще в 1990-х гг., привел к удвоению реальных цен на жилье. Но в конце 2006 г. цены на рынке жилья в США начали снижаться, и к середине 2009 г. они упали примерно на 30%. С падением цен на жилье, приводящего к высокому соотношению кредита к стоимости, ипотечные риски резко возросли. Залоговое обеспечение стало недостаточным для покрытия обязательств, и все это, наряду с расширением кредитования домохозяйств с низкими доходами, привело к массовым дефолтам, которые спровоцировали сначала национальный, а затем и глобальный экономический кризис.

Таким образом, рыночные диспропорции, или, как их все чаще именуют не только в популярной, но и научной литературе, «рыночные пузыри» на национальном рынке жилья,

лопаясь, приводят к экономическому коллапсу национальной экономической системы, а затем и глобальной экономики в целом. Поэтому представляется чрезвычайно важным исследование закономерностей и тенденций развития не только национальных рынков жилищных инвестиций, но и рынков в других странах.

Рынок жилищных инвестиций как объект исследования

Рынок жилищных инвестиций является специфическим рынком, объектом экономических отношений на котором выступают жилищные инвестиции, представляющие собой вложения средств в воспроизводство жилищного фонда – в производство, распределение, обмен, потребление и реновацию жилища. На разных стадиях воспроизводственного цикла жилище выступает объектом рыночных отношений на различных товарных рынках (рис. 1) и принимает различные товарные формы: как инвестиции – на рынке капитала, как незавершенное строительство и готовая строительная продукция – на рынке строительных услуг, как объект недвижимости – на рынке недвижимости.

Этим объясняются сложные субъектно-объектные отношения на рынке жилищных инвестиций – в процессе воспроизводства жилища участвуют субъекты смежных рынков, экономические отношения между которыми не соответствуют классической схеме «продавец–покупатель». Это в значительной степени определяет особенности рынка жилищных инвестиций и возникающие в процессе его функционирования диспропорции.

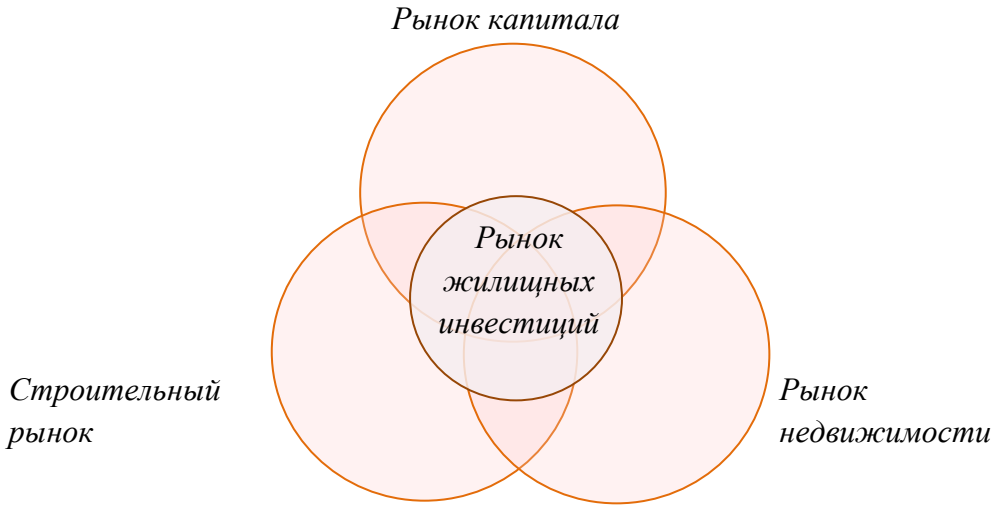


Рис. 1. Рынок жилищных инвестиций во взаимодействии с рынками капитала, строительных услуг и недвижимости
Источник: разработано авторами.

Рынок жилищных инвестиций можно разделить на рынки реновационного (1) и обменного (2) типа. Инвестиции реновационного типа представляют собой инвестиции в строительство нового жилья и в улучшение потребительских качеств жилья путем реконструкции. Инвестиции в новое строительство, модернизацию, реконструкцию, капитальный ремонт и реставрацию жилых зданий обеспечивают производство и восстановление жилищного фонда. Жилищные инвестиции обменного типа – это инвестиции

в покупку существующего жилья, составляющие основу обменных процессов на вторичном рынке жилья (рис. 2).

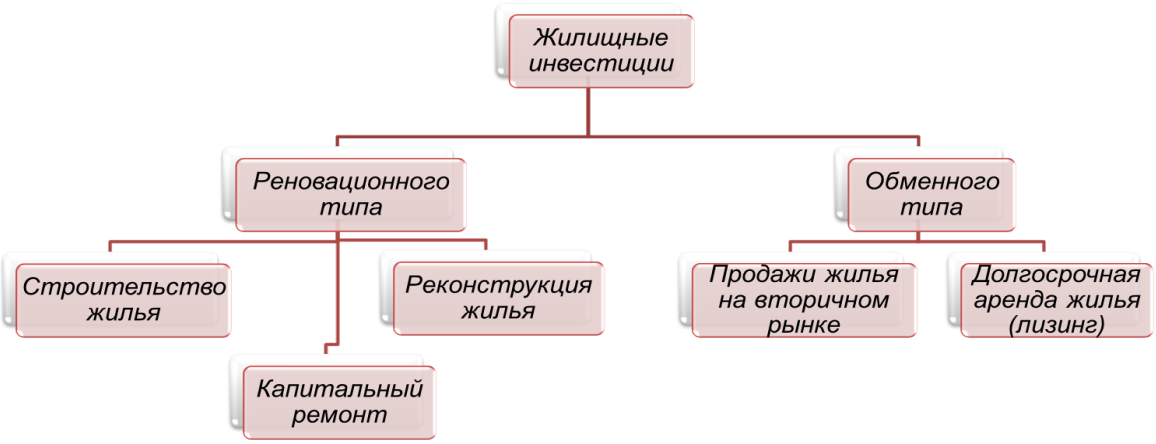


Рис. 2. Структура рынка жилищных инвестиций
Источник: разработано авторами.

Роль жилищных инвестиций в национальных экономиках отмечается многими авторами. Развитие теоретических взглядов на значимость жилищных инвестиций замечательно прослежена в работе канадского ученого Годвина Арку (University of Western Ontario, Canada) (Arku, 2006). На основе глубокого библиографического анализа автор показал, как постепенно менялись теоретические взгляды на жилищный сектор: от представления о нем как ресурсопоглощающем, непроизводительном секторе, являющемся частью обременительной для бизнеса и государства социальной политики, до понимания того, что этот сектор следует рассматривать как источник дохода и инвестиций и как необходимый компонент национальных стратегий развития.

Потенциал развития рынка жилищных инвестиций в России чрезвычайно высок. По данным авторов стратегии (Стратегия, 2017), представленной Министерством строительства Российской Федерации в конце 2017 г., основанных на результатах опросов ВЦИОМ, 45 % населения, или 24,7 млн. домохозяйств испытывают потребность в улучшении жилищных условий. При этом потребность в жилье оценивается в 1,4 млрд. кв. м. Безусловно, столь значительное увеличение жилищного фонда в обозримом будущем невозможно без наращивания темпов жилищного строительства и увеличения доли жилищных инвестиций в валовом накоплении капитала.

Рынки жилищных инвестиций: взгляд из России

Традиционно, анализируя состояние и проблемы развития жилищной сферы в России, выявляя лучшие мировые практики, отечественные исследователи обращаются к опыту западных стран – США и стран Евросоюза (Зарубежный опыт, 2015; Залкинд, 2014; Косарева и др., 2015). На наш взгляд, определенный интерес представляет и опыт наших восточных соседей, входящих в число экономических доминантов азиатско-тихоокеанского региона

(АТР). Интересны также сопоставления динамики и структуры развития рынка жилищных инвестиций в разных странах, прежде, всего, в странах Юго-Восточной Азии.

При общепризнанной остроте жилищной проблемы в России в 2017 г. на чуть более 52 млн домохозяйств приходилось почти 66 млн жилищ, т.е. 448 жилых единиц на 1000 человек жителей. Это сопоставимо с жилищной обеспеченностью в странах Евросоюза, где в 2014 г. на 1000 человек приходилось 468 жилищ. При том, что в странах Центральной Азии, в том числе в бывших советских республиках, это число составляет только 388 ед. на 1000 домохозяйств. В Японии (2013 г.) и Южной Корее это показатель составил, соответственно, 476 и 383 жилища на 1000 человек, в Китае – 372,9 ед. Разумеется, с учетом различий в средних размерах жилых единиц – в странах Евросоюза 59 кв. м/ ед. (2014 г.), в России – 55,3 кв. м/ед., в Китае 80 кв. м /ед., в Японии 94,42 кв. м/ед. – средняя обеспеченность жильем различается. В 2014 г. в странах Евросоюза она составила 38 кв. м/чел., в России – 23,7 кв. м/чел., (но уже в 2017 г. этот показатель в России достиг 25,2 кв. м/чел.), в Китае – 28 кв. м/чел, в Японии – 45 кв. м/чел.[5].

На рис. 3, 4, 5 нами представлены численность населения и динамика жилищного строительства в России, Китае и Японии. Шкала численности населения на всех 3-х графиках имеет одну размерность, что позволяет сопоставлять численные значения по 3-м странам, а шкала площади вводимого жилья по Китаю значительно отличается в связи с несопоставимостью масштабов жилищного строительства в этой стране по сравнению с Россией и Японией.

Рис. 3. Динамика численности населения и ввода в действие жилых домов в Российской Федерации в 1998-2017 гг.

Источник: построено авторами по: Численность населения России, 2019; Population, total: Indicators, 2019.

Сравнивая графики, можно видеть, что динамика жилищного строительства в этих странах отличается и имеет разные тенденции.

[5] Рассчитано авторами на основе данных (10-18).

Так, в Российской Федерации, при относительно стабильной численности населения показатель ввода жилья имеет явно выраженную положительную динамику. В Китае, напротив, ввод жилья, начиная с 2011 г., неуклонно снижается при постоянном росте численности населения. В Японии в последнее десятилетие характеризуется некоторой стабильностью и в динамике населения, и в динамике ввода жилья. Более наглядным для анализа представляется сопоставление ввода жилья на душу населения (рис. 6).

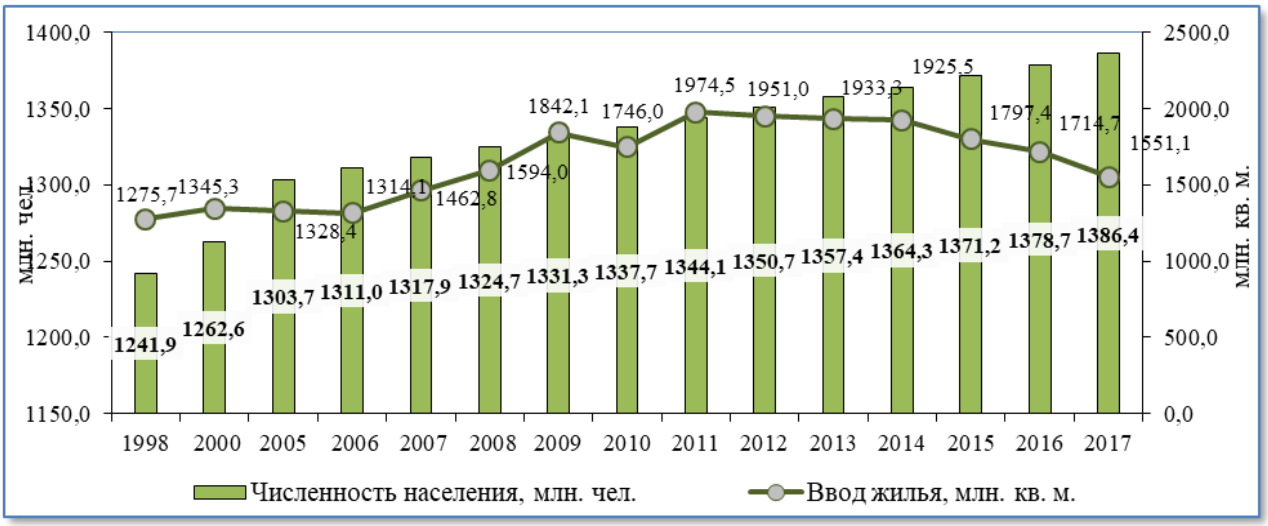


Рис. 4. Динамика численности населения и ввода в действие жилых домов в Китае в 1998-2017 гг.

Источник: построено авторами по: Численность населения России, 2019; Population, total: Indicators, 2019.

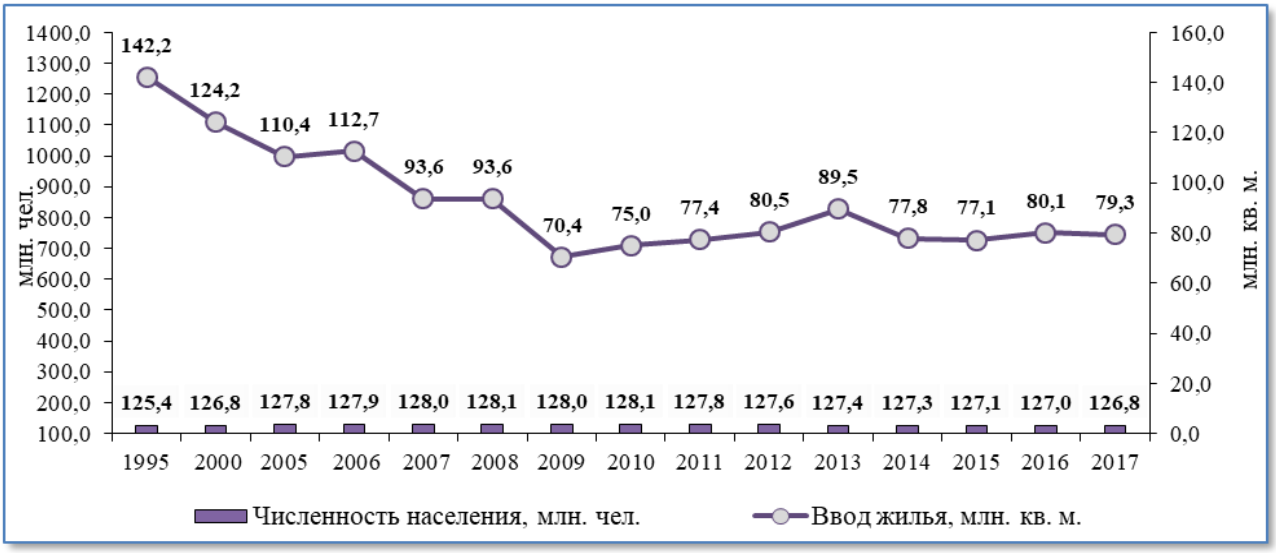


Рис. 5. Динамика численности населения и ввода в действие жилых домов в Японии в 1998-2017 гг.

Источник: построено авторами по: Численность населения России, 2019; Population, total: Indicators, 2019.

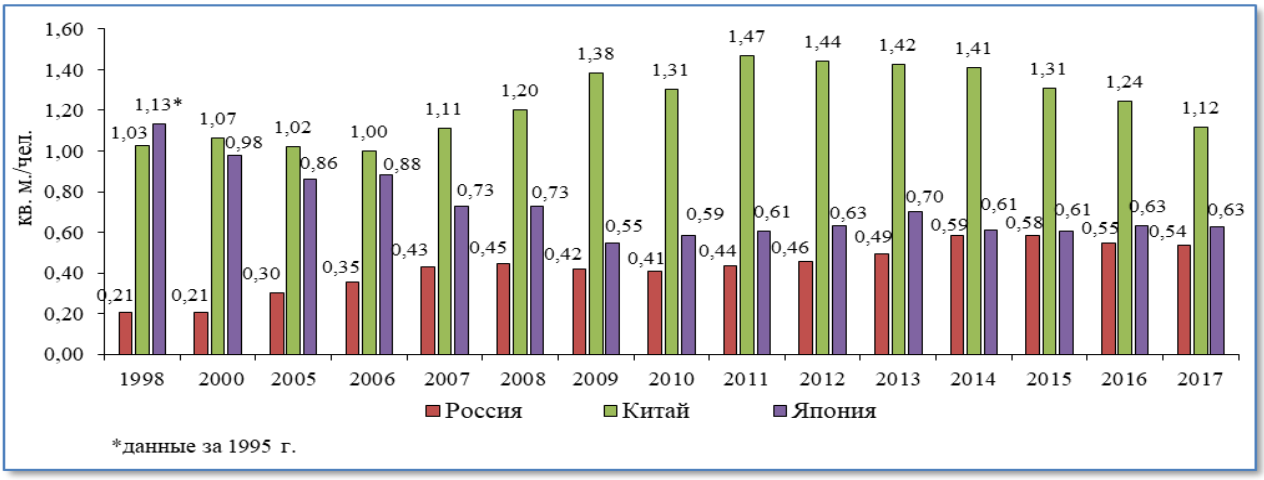


Рис. 6. Динамика ввода жилья на душу населения в РФ, КНР, Японии в 1998-2017 гг., кв. м на человека

(Примечание: по России и Китаю расчеты выполнены по данным об объемах построенного жилья за год, в Японии – по данным об объемах начатого в соответствующем году строительства жилья)

Источник: построено авторами по: Численность населения России, 2019; Population, total: Indicators, 2019.

Как видно из графика (рис. 6), несмотря на отрицательные тенденции в динамике жилищного строительства в Китае, эта страна является явным лидером по объемам жилищного строительства – даже в кризисные годы в КНР возводилось более 1 квадратного метра жилья на человека в год.

Из представленных графиков также видно, что Россия значительно отстает и от Китая, и от Японии по объемам жилищного строительства.

Отставание России объясняется явно недостаточными объемами жилищного инвестирования в Российской Федерации. Так, в России доля жилищных инвестиций в валовом внутреннем продукте последние годы составляет 2,4% – 2,5%, в то время как в Китае – 10,5%[6].

В то же время, опыт предыдущих экономических кризисов говорит о том, что тенденции, складывающиеся на китайском рынке жилья, весьма опасны. По данным Агентства Bloomberg (A Fifth of China's Homes, 20218), 22% городского жилья в Китае в настоящее время пустует. Это свидетельствует о серьезной несбалансированности спроса и предложения на рынке, что повышает риски экономической нестабильности. О надувающихся «пузырях» на рынке жилья в Китае и угрозе, которую они несут для национальной экономики, пишут и другие исследователи (Gaulard, 2014).

Заключение

Экономические кризисы глобального масштаба преподносят и теоретикам, и практикам, и политикам хорошие уроки. Но эти уроки дорого обходятся национальным экономикам и населению. Поэтому очень важно, на наш взгляд, своевременно выявлять

[6] Рассчитано авторами по (23-25).

точки нарастания экономической нестабильности и корректировки негативных тенденций. Одной из таких точек, как было показано выше, является рынок жилищных инвестиций, не только страдающий от кризисных явлений, но и, нередко, их порождающий. Это необходимо учитывать при разработке государственной жилищной политики, постановке стратегических целей и обосновании жилищных индикаторов. В частности, достижение уровня ввода жилья в России не менее 1 кв. м на человека в год, установленного стратегическими документами, может привести к несбалансированности спроса и предложения на российском рынке жилья и спровоцировать новый экономический кризис.

Список литературы

1. Джонс К. (2016). Влияние мирового финансового кризиса на рынок жилья: международный взгляд // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. № 5(58). С.205-214. [Jones K. (2016). The Impact of the global financial crisis on the housing market: an international perspective // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo stroitelnogo universiteta, No. 5(58), pp. 205-214. (In Russian)].

2. Аганбегян А.Г. (2012). Строительство жилья – локомотив социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. № 5. С.59-69. [Aganbegyan A.G. (2012). Housing Construction – the engine of socio-economic development of the country // Voprosy Ekonomiki, No. 5, pp. 59-69. (In Russian)].

3. Breuer W., Nadler C. (2012). Real estate and real estate finance as a research field –- an international overview. Journal of Business Economics, Real Estate Finance, Springer Science&Business Media, Special Issue 1. URL: https://doi.org/10.1007/s11573-011-0524-1.

4. Case K.E. (2007). Housing, Land, and the Economic Crisis. Lincoln Institute of Land Policy. URL https://www.lincolninst.edu/publications/articles/housing-land-economic-crisis

5. Arku G. (2006). The housing and economic development debate revisited: economic significance of housing in developing countries. J Housing Built Environ. URL https://rd.springer.com/article/10.1007/s10901-006-9056-3.

6. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года (2017) [Strategy of development of housing sphere of the Russian Federation for the period till 2025 (2017). (In Russian)]. URL http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/ec7/Strategiya-zhilishchnoi_-sfery.pdf

7. Зарубежный опыт применения инструментов градостроительного регулирования для увеличения предложения доступного жилья (2015). Институт экономики города. [Foreign experience in the use of urban planning tools to increase the supply of affordable housing (2015). Institute of Economics of the city. (In Russian)]. URL: http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/zarubezhnyy_opyt_primeneniya_instrumentov_gradostroitelnogo_regulirovaniya_dlya_uvelicheniya_predlozheniya_dostupnogo_zhilya.pdf.

8. Косарева Н.Б., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. (2015). Основные тенденции жилищной экономики российских городов. Городские исследования и практики. С. 33–54. [Kosareva N.B., Puzanov A.S., Polidi T.D. (2015). The Main trends in the housing economy of Russian cities. Urban studies and practices, pp. 33-54. (In Russian)].

9. Залкинд Л.О. (2014). О взаимосвязи инвестиций в жилищное строительство и экономического роста // Жилищные стратегии. Т. 1. № 1. С. 11–24. [Zalkind L.O. (2014). On the relationship between investment in housing and economic growth. Housing strategies, Vol.1, No. 1, Pp. 11-24. (In Russian)].

10. Жилищное строительство (2018). Росстат [Housing (2018). Rosstat (In Russian)] – URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/building/#

11. Микроданные комплексного наблюдения условий жизни населения (2016). Федеральная служба государственной статистики [Microdata of complex observation of living conditions of population (2016). Federal state statistics service (In Russian)]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/PublishData/Sav/GKS_KOUZH_2016.rar

12. Основные показатели жилищных условий населения. Информация Федеральной службы государственной статистики [Key indicators of housing conditions of the population. Information of the Federal state statistics service (In Russian)]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jil-f/jkh39.doc

13. Ввод в действие жилых домов в Российской Федерации (2016). Информация Федеральной службы государственной статистики России [Commissioning of residential buildings in the Russian Federation (2016). Information of the Federal state statistics service of Russia (In Russian)]. URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/stroi131.xls

14. Housing Review of 15 countries in Europe and Central Asia. URL: www.habitat.org/sites/default/files/housing_review_2015_full_report_final_small_reduced.pdf

15. Housing stock and construction. OECD Affordable Housing Database. URL: http://www.oecd.org/els/family/HM1-1-Housing-stock-and-construction.xlsx

16. Обзор жилищного сектора Китая. Агентство ипотечного жилищного кредитования: Единая информационная система жилищного строительства «Наш Дом.РФ» [Overview of the housing sector of China. The Agency for housing mortgage lending: unified information system of housing construction "Nash Dom.RF» (In Russian)]. URL: https://дом.рф/upload/iblock/776/77654ca96debb8a9bec7168ac885e849.pdf

17. Japan Statistical Yearbook (2011, 2015, 2016, 2018, 2019). Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications, Japan. URL: www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/1431-21.html

18. HOFINET. Housing Finance Information Network. URL: http://www.hofinet.org/countries/context.aspx?regionID=2&id=83

19. Численность населения России (2019). Информация Федеральной службы государственной статистики России [Population of Russia (2019). Information of the Federal state statistics service of Russia (In Russian)]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls

20. Population, total: Indicators (2019). World Bank Open Data. URL: http://api.worldbank.org/v2/en/indicator/SP.POP.TOTL?downloadformat=excel

21. Investment in Fixed Assets and Real Estate Development (2019). National Bureau of Statistics of China. URL: http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01

22. China Statistical Yearbook (2018). National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm

23. Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов в России (2018). Информация Федеральной службы государственной статистики России [Structure of investments in fixed assets by types of fixed assets in Russia (2018). Information of the Federal state statistics service of Russia (In Russian)]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_inv-vf.htm

24. Валовой внутренний продукт России (2018). Информация Федеральной службы государственной статистики России [Gross domestic product of Russia (2018). Information of the Federal state statistics service of Russia (In Russian)]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab1.htm

25. A Fifth of China’s Homes Are Empty. That’s 50 Million Apartments (2018). Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-08/a-fifth-of-china-s-homes-are-empty-that-s-50-million-apartments

26. Gaulard M. (2014). The Real-Estate Bubble in China. Problemas del Desarrollo 45(178). URL: http://www.probdes.iiec.unam.mx/en/revistas/v45n178/body/v45n178a3_1.php

27. How Big a Shock to China's Real Estate Sector Will Throw the Country into Recession, and Why Does It Matter? (2016). URL: https://web.hku.hk/~bmichael/Housing%20Disaster%20Paper%20Online.htm

THE MARKET FOR HOUSING AND INVESTMENT: PROBLEMS OF STABLE INSTABILITY

Ovsyannikova Tatiana Yurievna,
Rabtsevich Olga Valeryevna,
Yugova Irina Vladimirovna,

Tomsk state University of architecture and construction,
634003, Siberian Federal District, Tomsk region, Tomsk, Solyanaya Square, 2

The article is devoted to the analysis of housing investment markets in Russia, China, Japan and other countries. The essence and structure of the housing investment market are shown. It is noted that investments are not only conductors of economic resources, new technologies, but also crisis processes. It is shown that the housing investment market is extremely sensitive to the manifestations of economic instability, the consequences of global economic crises affect the housing market for many years. At the same time, the instability of housing investment markets leads to the instability of national and global economic systems. Using a large amount of statistical information, comparisons of the main housing indicators in different countries are made, the analysis of the dynamics and trends in the development of housing investment markets in Russia, China and Japan is given. Conclusions are drawn about the need to monitor not only national but also global housing markets in order to prevent negative trends and eliminate the threat of economic crises.

Key words: *Housing investments, housing construction, housing investment market, dynamics in market development, international comparisons*

JEL-codes: *D 61, F 63.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Смирнова Юлия Петровна[1]

В данной статье рассмотрены перспективы развития экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея. Показаны уже достигнутые результаты в экономическом сотрудничестве, прокомментирован активный двусторонний диалог. На основе проведенного анализа автор делает выводы о перспективах развития отношений в экономической сфере между двумя странами.

Отдельно рассматривается отрасль машиностроения, а также российско-корейское сотрудничество в этой отрасли и его перспективы.

Ключевые слова: *Россия, Южная Корея, экономическое сотрудничество, международные отношения, автомобилестроение, KIA Motors, Hyundai Motor.*

JEL-коды: *F23, F53.*

Дипломатические отношения между Россией и Южной Кореей имеют сравнительно короткую историю. Официально дипотношения установлены на закате советской эпохи – в 1990 г. (Отношения России…, 2017). Причина такого позднего установления дипотношений кроется в поддержке со стороны СССР коммунистического режима Северной Кореи, который имел выраженную враждебность по отношению к капиталистически ориентированной Южной Корее.

Межгосударственный диалог в последние 5 лет приобретает весьма активный характер. После встречи лидеров Российской Федерации и Республики Корея на саммите «Большой Двадцатки» в Санкт-Петербурге в 2013 г. двусторонние встречи на высшем уровне приобрели практически регулярный, ежегодный характер.

Лидеры двух стран встречались и в 2014, и в 2015, и в 2016 гг. 21-23 июня 2018 г. прошел официальный визит Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Россию, во время которого прошла его встреча с российским коллегой В.В.Путиным.

Такой активный политический диалог, конечно, оказал влияние и на развитие экономического сотрудничества.

Будучи одной из самых прогрессивных экономик мира, Южная Корея способна немало предложить в торгово-экономическом плане. Среди торговых партнеров Южной Кореи Россия занимает 15-е место. В российском же товарообороте Республика Корея занимает девятую строчку (Межгосударственные отношения…, 2017).

[1] *Смирнова Юлия Петровна* – кандидат экономических наук, специалист финансового отдела ООО «Мобис Партс СНГ». E-mail: 9778110071@mail.ru

На текущий момент российско-корейское экономическое сотрудничество может развиваться по самым разным направлениям. Самые приоритетные из них были озвучены в 2017 гг. в ходе III Восточного экономического форума. Это так называемая инициатива «Девяти мостов сотрудничества», в рамках которой планируется реализация совместных экономических проектов с Россией – железная дорога, газ, электроэнергия, строительство портовой инфраструктуры, сельское хозяйство, рыболовство, судостроение и так далее. По этим направлениям есть большой потенциал. Необходимо сосредоточенно развивать сотрудничество именно по приоритетным направлениям. Также в 2017 г. при президентской администрации Республики Корея начал работу Комитет по северному экономическому сотрудничеству, через который идет экономическое взаимодействие с Россией.

Общая сумма проектов оценивается в 2 млрд долл. США. Достаточно решительно по отношению к развитию товарооборота настроен и нынешний Посол Южной Кореи в России, провозгласивший цель наращивания товарооборота между двумя странами до 30 млрд долл. США к 2020 г. (Магоня, 2017).

В свою очередь, в России создаются совместные платформы для сотрудничества, в том числе Центр поддержки корейских инвесторов на Дальнем Востоке, учрежден День корейского инвестора в дальневосточных регионах и т.д. (Интервью, 2018).

Эксперты отмечают, что Южная Корея заинтересована в развитии взаимоотношений с Россией в дальнейшей перспективе и на то есть несколько причин.

Во-первых, Южная Корея последовательно проводит политику «умиротворения» соседа, и речь в данном случае идет о Северной Корее. В планах – строительство транскорейской железной дороги и строительство энергомоста, который позволит закупать электроэнергию в России. Одновременно, это поспособствует и налаживанию отношений с непредсказуемым северным соседом (Южная Корея заинтересована…, 2017).

Во-вторых, Республика Корея заинтересована в импорте морепродуктов, вылавливаемых в российских водах. Традиционно морепродукты очень широко применяются в корейской кухне. Поэтому сотрудничество с Россией относительно рыболовства и поставок морепродуктов имеет значительный вес в экономическом сотрудничестве.

В-третьих, несомненный интерес для Южной Кореи представляет упомянутый ранее проект «Девяти мостов сотрудничества». В его рамках будет развиваться, в том числе, газовое сотрудничество, а Республика Корея очень заинтересована в диверсификации газовых поставок. На данный момент весь газ корейцы закупают на Ближнем Востоке, отнюдь не самом стабильном регионе мира.

Перспективным направлением является совместное развитие пока достаточно слабо используемого Северного морского пути. Он способен на 30-40% сократить продолжительность морских грузоперевозок с Востока на Запад. Но для этого нужен мощный атомный ледокольный флот. С этой целью Росатом способен предложить необходимые силовые агрегаты, а корейская сторона – собственно, морские суда, производство которых является одной из самых сильных сторон экономики Южной Кореи. В подобном сотрудничестве заинтересованы такие южнокорейские «гиганты» как Hyundai Heavy Industries, Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, Samsung Heavy Industries.

В-четвертых, Южная Корея убеждена в важности сотрудничества как с Россией, так и с Китаем, так как эти две страны являются ключевыми игроками в регионе. При их посредничестве РК надеется на мирное разрешение корейского конфликта. В этой связи, в последнее время уже наметились позитивные сдвиги.

И, в-пятых, и у России, и у Южной Кореи существует большой потенциал в том, что касается не только экономических, но и культурных, и туристических обменов, который еще далеко не исчерпан. В перспективах можно было бы даже привлечь Северную Корею к этому сотрудничеству. Такое возможно после установления в регионе режима прочного мира.

Что касается трехстороннего сотрудничества, это могут быть такие крупные проекты, как соединение железных дорог и линий электропередачи, строительство газопровода. После соединения Транскорейской железной дороги она может выйти на Транссибирскую магистраль. В этом случае грузопоток из Южной Кореи может пойти через Транссибирскую магистраль до Европы. Осуществление этих планов поможет приблизить экономическое процветание всех стран Евразийского континента.

В 2016 г. объем взаимного товарооборота между Россией и Республикой Корея составил 13,4 млрд долл., в 2017 г. показатель вырос на 41,4% – до 18,96 млрд долл. Согласно данным Таможенной службы Республики Корнея, в наибольшем объеме Россия экспортирует в Южную Корею сырье: в 2017 г. продажи нефтепродуктов (сырой нефти, легких и средних дистиллятов и проч.) составили 5,5 млрд долл., угля – 2,6 млрд, сжиженного природного газа – 711 млн. В Россию были поставлены грузовые плавучие средства (почти на 300 млн долл.), металлоконструкции из черного металла (около 250 млн долл.).

Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Южной Кореи в российскую экономику составил 53,3 млн долл. по итогам 3-х кварталов 2017 г., объем накоплений ПИИ – 2,58 млрд. Корейский бизнес предпочитает вкладывать средства в регионы Центрального (более 50% от всего объема) и Северо-Западного федеральных округов (27%), подсчитали в Минэкономразвития РФ (Южная Корея и Россия…, 2019).

Таким образом, становится очевидно, что существует несколько серьезных, перспективных направлений сотрудничества России и Южной Кореи, которые обеспечат для двустороннего диалога дальнейшее динамичное развитие. Сотрудничество является вполне взаимовыгодным: Россия также заинтересована в развитии как экономических проектов, так и в разрешении корейского конфликта, ведь в результате удастся снизить уровень напряженности в регионе, непосредственно граничащем с российской территорией.

В качестве выводов хотелось бы подчеркнуть, что как Россия, так и Южная Корея заинтересованы в дальнейшем развитии экономических отношений.

Между двумя странами уже сложился активнейший политический диалог, в результате которого возникли множество амбициозных экономических проектов. Ставятся цели серьезного увеличения товарооборота.

Есть несколько перспективных направлений сотрудничества. Это газовые проекты, проекты по развитию Северного морского пути, импорт отдельных видов продукции из РФ в РК. Не в последнюю очередь при посредстве России Южная Корея планирует мирно урегулировать противоречия с Северной Кореей и установить мир и безопасность в регионе.

Отдельно хотелось бы выделить перспективы сотрудничества в машиностроительной отрасли. Машиностроение на текущий момент представляет собой динамично развивающуюся отрасль в Корее. В 2016 г. из 515 млрд долл. экспорта доля автомобилей составила 38,4 млрд долл., доля запчастей для машин – 20,1 млрд долл. (Южная Корея).

Таким образом, доля продукции автоконцернов составляют в экономике Республики Корея более 10%, в сфере производства автомобилей занято более 8% трудоспособного населения, при этом ежегодно выпускается свыше 4,2 млн автомобилей, что более чем в 3 раза превышает показатели нашей страны.

Но это лишь показатели по производству непосредственно в Корее. Если же рассматривать масштабы деятельности корейских автомобильных компаний, а среди ведущих корейских автоконцернов нужно особенно выделить Hyundai Motor и KIA Motors, имеющих заводы по всему миру, в том числе и в нашей стране, то на их долю приходится выпуск ежегодно почти восьми миллионов автомобилей. В Россию эти компании пришли сравнительно недавно, массово стали появляться у нас лишь в середине 1990-х гг., однако это не мешает им пользоваться огромным спросом в России.

Автомобильный концерн Hyundai Motor Co открыл в Санкт-Петербурге сборочное производство «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» в 2010 г. Этот актив позволяет группе увеличивать продажи не только в России, но и в других странах. В 2017 г. на заводе было выпущено с конвейера 233,5 тыс. автомобилей, из них 5,9 тыс. проданы за рубеж.

Так, по результатам прошлого года, KIA стала самым популярным иностранным автомобильным брендом в России, а Hyundai – вторым по популярности. Если же брать конкретные модели, то Hyundai Solaris удалось стать самым продаваемым автомобилем года вне зависимости от страны производства, а Kia Rio – вторым по популярности. Также в прошлом году сразу две корейские модели стали победителями престижнейшего конкурса «Автомобиль года в России». Kia Picanto выиграла в категории «Городские автомобили», а Hyundai Solaris – в категории «Малый класс».

Популярность корейских автомобилей в нашей стране с каждым годом лишь увеличивается. И на это имеется множество веских причин. Корейские автомобили отличаются повышенной надежностью, прочностью и долговечностью. Поставляемые в Россию модели к тому же проходят дополнительную адаптацию к дорожным и климатическим условиям нашей страны. Также корейские автомобили отличаются одним из лучших соотношений цены и качества среди представителей всех стран. Более того, стоит отметить, что многие корейские модели собираются непосредственно на российских заводах (Корейские авто). В этом и заключается главная перспектива сотрудничества России и Кореи в сфере машиностроения. Автомобильный завод KIA и другие промышленные предприятия показывают хорошие показатели продаж, что является сигналом улучшения взаимоотношений.

Для России, в первую очередь, интересна возможность расширения производства и сборки автомобилей и запчастей на своей территории, создания совместных предприятий. Мы можем предоставить мощную ресурсную базу, Корея – новейшие технологии и разработки. Россия экспортирует в Южную Корею сырье: в 2017 г. продажи нефтепродуктов составили 5,5 млрд долл., угля – 2,6 млрд долл., сжиженного природного газа – 711 млн долл. Корея же реализовала на российском рынке в первую очередь легковые автомобили и запчасти на 1,7 млрд долл.

По словам Губернатора Московской Области Андрея Воробьева, есть идеи организовать специальный индустриальный парк, где преимущественно могут располагаться корейские компании, которые знают специфику торговли и переработки. В перспективе не исключена возможность сотрудничества с Hyundai в производстве легковых автомобилей в восточной части России. Такая идея обсуждалась в правительстве Южной Кореи и во внешнеэкономических организациях России.

Стоит отметить примеры сотрудничества в других сферах на территории России – Калужская область аккумулировала на своей территории несколько крупных корейских проектов. В регионе функционирует производство бытовой техники «Самсунг Электроникс Рус Калуга», львиная доля продаж которого приходится на Россию и страны СНГ. Более

того, с 2016 г. за счет этого проекта Samsung ведет экспансию в Европе: на предприятии была запущена специальная экспортная линия производства стиральных машин, которые затем реализуются в 20 стран Восточной и Западной Европы. В развитие российского завода было вложено более 250 млн долл. (по состоянию на 2016 г.). Кроме того, в Калужской области действует табачный завод KT&G (капиталовложения – 73 млн долларов) и кондитерская фабрика Lotte Group (100 млн долл.).

Корейский производитель бисквита и шоколада «Орион» открыл первый российский офис в 1996 г., через 10 лет запустил завод в Твери, еще через 2 года – в Новосибирске. Объем инвестиций оценивается в 60 млн долл. В 2017 г. компания заявила о планах по вводу новых мощностей в Тверской области, инвестиции составят более 4,7 млрд руб.

Строительство корейских предприятий в России – это только один из примеров сотрудничества между странами. В послужном списке можно отметить работу в космической отрасли (участие Роскосмоса в разработке корейской ракеты-носителя KSLV-1), а также в научных, энергетических, фармацевтических и прочих проектах.

На основании вышеизложенного автор делает вывод о весьма положительных перспективах дальнейшего развития экономического сотрудничества между Россией и Южной Кореей.

Список литературы

1. Магоня Д. (2017). Почему Южная Корея активизировала экономические отношения с Россией // Ведомости [Magonya D. (2017). Why South Korea made active the economic relations with Russia // Vedomosti (In Russian).]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/12/07/744486-yuzhnaya-koreya-ekonomicheskie-rossiei

2. Межгосударственные отношения России и Республики Корея (2017) // РИА Новости [Interstate relations of Russia and Republic of Korea (2017) // RIA Novosti (In Russian).]. URL: https://ria.ru/spravka/20170707/1497870360.html

3. Отношения России с Республикой Корея (2017) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Relations of Russia with the Republic of Korea (2017) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (In Russian).]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/305266

4. Южная Корея заинтересована в импорте сгенерированной в России электроэнергии (2017) // Восточный экономический форум [South Korea is interested in import of the electric power generated in Russia (2017) // East economic forum (In Russian).]. URL: http://tass.ru/vef-2017/articles/4537698

5. Интервью президента Республики Корея Мун Чжэ Ина "Российской газете" // Российская газета – Федеральный выпуск №7597 (134) [Interview of the president of the Republic of Korea Mun Zhe Ying to Rossiyskaya Gazeta // Российская газета – Federalniy vypusk №7597 (134) (In Russian).]. URL: https://rg.ru/2018/06/21/mun-chzhe-in-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-rossii-rk-i-kndr.html

6. The Observatory of economic complexity. URL: https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country/kor/

7. Корейские авто (2019) [Korean cars (2019) (In Russian).]. URL: https://riaavto.ru/korea

8. Южная Корея и Россия: как развиваются экономические связи (2019). [South Korea and Russia: as economic relations develop (2019). (In Russian).]. URL: http://nb159.ru/rubric/international/yuzhnaya-koreya-i-rossiya-kak-razvivayutsya-ekonomicheskie-svyazi/

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-SOUTH KOREAN ECONOMIC RELATIONS

Smirnova Yulia Petrovna,

197701, St. Petersburg, Sestroretsk, Levashovskoye Highway, 20, building 2, building 1

This article discusses the prospects of economic cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea. The results achieved in economic cooperation are shown, the active bilateral dialogue is commented. On the basis of the analysis the author draws conclusions about the prospects of development of relations in the economic sphere between the two countries. We also consider the engineering industry, as well as Russian-Korean cooperation in this industry and its prospects.

Keywords: *Russia, South Korea, economic cooperation, international relations, automotive industry, KIA Motors, Hyundai Motor.*

JEL codes: *F23, F53.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ /
GLOBAL FINANCIAL ASPECTS

LA NATURE MONÉTAIRE DE LA MONNAIE CRYPTO ET LEURS PERSPECTIVES EN RUSSIE ET EN FRANCE

***Gérard Mondello*[1]**

Cet article étudie la nature monétaire des crypto-monnaie à la lumière des théories chartistes de la monnaie. Cette approche montre que les crypto-monnaies répondent aux critères de la définition d'une monnaie: unité de compte définie par une autorité et moyen de paiement. La question du critère de «réserve de valeur» conduit à transformer l'instrument en un actif financier. A la lumière de cette analyse, l'article étudie les critiques de certaines banques centrales vis-à-vis des crypto-monnaies et montre que la plupart sont infondées. Les monnaies cryptées vont tendre à se généraliser et beaucoup d'États envisagent d'en créer. On examine alors les conditions nécessaires pour en faire des moyens de paiement pérennes dans la Fédération de Russie.

***Les mots clefs**: monnaies, réserve de valeur, crypto-monnaies, actif-cryptés, chainblocks, Bitcoin, Ethereum.*

***JEL-codes:** F310.*

L'apparition récentes des crypto-monnaies dans le paysage monétaire et financier des économies modernes a le mérite de renvoyer les économistes à la révision de leurs connaissances fondamentales en matière de monnaie, de crédit, de moyens de paiement, de réserve de valeur et des relations entre monnaie et réserves de valeur. Aussi, ce papier posera-t-il non seulement la question des moyens de la régulation et de la création de nouvelles crypto-monnaies mais aussi le rapport que ces dernières entretiennent au pouvoir régalien des Etats à «créer» de la monnaie ou, suivant l'usage plus ancien à «battre monnaie». Ces expressions renvoient à la fois au pouvoir de l'État de définir l'expression du moyen de paiement en une unité de compte et en la définition et la régulation de ce moyen de paiement. La notion de régulation recouvre deux dimensions. De ce point de vue, l'apparition et la diffusion des crypto-monnaies semblent constituer une sérieuse remise en cause du pouvoir des États en matière monétaire. En effet, à ce jour, ni le choix de l'unité de compte, ni la nature du moyen de paiement n'apparaissent comme la prérogative d'un État, mais relèvent de l'initiative d'individus privés qui ont «court-circuité» tous les canaux traditionnels de la création et la diffusion de la monnaie au sens traditionnel du terme.

Si le Bitcoin, sur la durée, est incontestablement un succès, l'émergence et la prolifération de nouveaux sites et de nouvelles monnaies cryptées pose la question de la viabilité à terme de

[1] ***Gérard Mondello,*** professor Université Côte d'Azur, GREDEG, UMR 7321, CNRS. 250, rue Albert Einstein.

beaucoup d'entre elles. A ce titre, la première question que nous poserons concerne les caractéristiques théoriques de ces monnaies nouvelles à la lumière des théories traditionnelles de la monnaie. La deuxième question porte sur la notion de confiance dans l'instrument de paiement. Une monnaie standard, c'est-à-dire les moyens de paiement usuels exprimés en unités de compte reconnues nationalement et internationalement sont fondées sur la confiance dans les institutions monétaires des pays: banque centrale et système bancaire.

Le bitcoin est créé sur un autre schéma qui est plus proche de la création de pièces de monnaie (coin en anglais) que de la «currency» (les moyens de payement libératoires fondés sur le crédit). De ce fait, il utilise un système de contrôle total de la transaction qui assure en permanence la sécurité du paiement et rend obsolète, ou non pertinente la question de la confiance. Cependant comme rien n'est parfait dans ce monde, ce qui est gagné dans la sécurité de l'instrument, est perdu sur la valeur de l'instrument qui tel, l'or ou l'argent des monnaies passées, est soumise à l'évaluation du marché. Cette dernière est d'autant plus inquiétante que le manque d'information sur les possibilités de spéculation d'opérateurs occultes rend aléatoire la valeur intrinsèque de ce moyen de paiement (Voir Simmel (1907), Schumpeter (1934).

Ainsi, cet article développera les aspects économiques et institutionnels de l'adoption de nouvelles crypto-monnaies «nationales» dans la Fédération de Russie. Nous montrerons en quoi elles peuvent constituer une garantie par rapport à des crypto-monnaies privées en termes de stabilité de la valeur de base et les avantages du développement du minage dans des régions froides et à faible coût de l'électricité.

Une première partie analysera la nature économique des crypto-monnaies à la lumière des apports de la théorie monétaire d'une part, mais aussi des critiques apportées par quelques institutions comme la Banque de France ou la Banque d'Angleterre. Une deuxième partie étudie les conditions de création d'une monnaie cryptée d'État dans la Fédération de Russie.

Questionnement sur la nature monétaire des crypto-monnaies: une approche chartiste

La question des crypto-monnaies permet de revoir les concepts fondamentaux qui définissent la nature d'une monnaie. De ce point de vue, la défiance exprimée par les banques centrales par rapport à cet actif témoigne de la difficulté pour appréhender ses multiples dimensions possibles. Cette difficulté relève de la confusion que les banques opèrent en confondant monnaie et actifs financiers et monétaires. Une monnaie permet d'éteindre une créance, d'acquitter une dette et ne peut être une réserve de valeur si ce n'est qu'à partir du moment où elle est conservée dans un but spéculatif. Les crypto-monnaies rassemblent ces deux éléments, monétaires et actifs financiers, mais les deux fonctions sont clairement dissociées et on ne peut utiliser l'une pour critiquer l'autre.

1. Une approche chartiste des monnaies cryptées

Les concepts traditionnels de la définition d'une monnaie s'appliquent-ils aux crypto-monnaies? La question est alors de savoir quels sont les critères qui caractérisent une monnaie. Si on emprunte ces derniers au courant «chartaliste» ou «chartiste» initié par Georg Friedrich Knapp développé dans le «*State Theory of Money» (*Knapp" [1924]*)*, l'État ou tout autre autorité de fait impose une obligation sous la forme d'une unité de compte légale ou acceptée généralement destinée à mesurer l'obligation. Ainsi, une monnaie est définie comme telle si elle répond à deux éléments.

Le premier se réfère à la notion de monnaie de compte, et nous reprenons la définition de J.M. Keynes qui se rattache au «chartisme» dans le «Treatise on Money» de 1931: «*La monnaie de*

compte est ce en quoi les dettes, les prix et le pouvoir d'achat sont exprimés est le premier concept d'une théorie de la monnaie» (Keynes, 1930). Il est intéressant de noter que le vecteur d'expression des unités de compte importe peu selon cet auteur: parole, livres comptables, «baked bricks», documents papiers etc. Le deuxième facteur concerne la monnaie elle-même, autrement dit le moyen ou le vecteur de transmission (*delivery*) par lequel les contrats, les dettes, les prix sont acquittés (*discharged*)[2]. Ce vecteur de transmission correspond aussi à une forme ou un instrument de détention d'un pouvoir d'achat. La conjonction de l'instrument et de l'expression de ce dernier en unité de compte définit la monnaie. Ne s'en tenir qu'à l'instrument revient à ne considérer qu'une économie de troc. Pour résumer la monnaie n'est monnaie que pour autant qu'elle éteigne définitivement une dette, cette dernière est exprimée en unités de compte, quelle que soit cette unité de compte. Cela suppose, bien évidemment que les parties contractantes s'entendent sur cette unité de compte, autrement dit qu'elle soit acceptée par les deux parties.

Les crypto-monnaies répondent-elles à ces deux critères minimaux? Concernant l'expression en unités de compte, celle-ci est définie dès la création de l'instrument par leurs concepteurs. Les utilisateurs potentiels acceptent ou non l'émergence de cette nouvelle entité en effectuant ou non leurs transactions avec celle-ci. La validation de l'unité de compte est liée à l'utilisation de la crypto-monnaie. C'est une validation par les faits. Alors que Knapp insiste sur le rôle de l'État comme facteur de création de l'unité de compte, J.M. Keynes, considère que la loi (l'État) ou la coutume (la Société) sont des candidats acceptables «*Now by the mention of contracts and offers, we have introduced law or custom, by which they are enforceable; that is to say, we have introduced the State or the community*» (Keynes, 1930). Les crypto-monnaies relèvent de l'acceptation par l'ensemble des opérateurs qui les utilisent. Concernant les bitcoins, le nombre de transactions/jours oscillent entre 4.10^5 et $1,5.10^5$ alors qu'à sa création, et pendant de longs mois, celles-ci étaient de moins de 1000 par jours. De ce point, de vue, l'exemple du Bitcoin montre qu'une communauté d'internautes acceptent de réaliser des transactions dans cette monnaie ce qui la valide à la fois comme unité de compte et comme instrument de paiement au sens de l'approche chartiste. Ainsi, si ce n'est pas la «Loi» et donc l'État qui garantit cette monnaie, c'est la «collectivité» ou la «Société» des internautes qui paie avec une crypto-monnaie exprimée en unités de compte correspondant à cette crypto-monnaie.

Le deuxième volet de la définition d'une monnaie concerne l'instrument de paiement lui-même. Nous avons vu, plus haut, que la substance de celui-ci importe peu dès lors qu'il permet d'éteindre une dette, assurer une transaction. Concernant les crypto monnaies, elle est de même nature qu'un compte libellé en monnaie nationale c'est-à-dire le crédit ou le débit en unités de compte d'un compte électronique. Comme une monnaie de crédit bancaire, exprimée en unité de compte, la monnaie cryptée est stockée sur un compte virtuel. Cependant, à la différence d'une monnaie bancaire électronique, le lieu de stockage n'est pas le compte bancaire centralisé du client auprès de sa banque, mais consiste en des supports privés sur les registres disséminés parmi l'ensemble des participants.

En conclusion, au sens de la définition stricte du chartisme, les monnaies cryptées remplissent les critères d'une véritable monnaie: ils sont exprimés en unités de compte acceptée par

[2] Pour Knapp, la definition est similaire: les dettes sont exprimées en une unité de valeur: «the unit in which the amount of the payment is expressed» (Knapp, 1924, p. 8) et elle est acquittée avec un moyen de paiement «a movable thing which has the legal property of being the bearer of units of value» (Ibid., p.7).

la communauté des utilisateurs d'une part et ils permettent d'assurer des transactions. Cette section n'a pas fait référence à la technologie sous-jacente à l'instauration des bitcoins. Celle-ci est importante pour comprendre le mécanisme qui assure la confiance, fondée sur la preuve constante des transactions réalisées qui préside à la constitution de ce mécanisme monétaire. C'est ce point que nous allons examiner à présent.

2. Critiques des Banques Centrales et crypto-monnaies: une vision erronée du rôle de la monnaie

Cette sous-section continue la discussion précédente et permet de lever certaines ambiguïtés liées à l'utilisation des monnaies cryptées. Cela sera réalisé par l'étude des critiques apportées par les Banques centrales à ces instruments. Ces dernières, en effet, se montrent plus que circonspectes par rapport à la diffusion des crypto-monnaies. Leurs critiques se rejoignent pour souligner les lacunes de ces monnaies, mais les propos de certains sont plus argumentés que d'autres.

Ainsi, une contribution récente la Banque de France critique les crypto-monnaies en mêlant une argumentation qui met en doute l'universalité de leur capacité à éteindre une dette d'une part et d'autre part, leur incapacité à servir de réserve de valeurs (Banque de France, 2018).

Dans ce court article les arguments contre les crypto-monnaies ressemblent à une violente diatribe et sont dénoncés, pêle-mêle, le fait que cette monnaie ne peut exprimer de prix en son unité de compte, qu'il ne constitue pas un moyen de paiement et que, les fluctuations de son cours lui interdisent d'en faire une réserve de paiement. Le fond de l'argumentation tient à la valeur hautement instable des crypto-monnaies qui leur interdirait d'exprimer des prix en leur propre unité de compte. Un deuxième argument, qui invaliderait la troisième fonction supposée d'une monnaie, sa réserve de valeur, tiendrait au fait que «*Les cryptoactifs ne s'appuient sur aucun sousjacent réel*» (Banque de France, 2018). Enfin, l'opposition à leur utilisation comme moyen de paiement tiendrait aux frais de transaction induits (frais indéniables), la volatilité des cours, l'absence de garantie de remboursement en cas de fraude.

La discussion de la pertinence de ces arguments nous permettra de mieux préciser la nature monétaire des crypto-monnaies.

- La question de l'unité de compte. La Banque de France considère que la valeur fluctuante des crypto-monnaies s'oppose à son expression comme unité de compte. Cet argument n'est que partiellement recevable. En effet, tout bien ou service présenté sur le marché où, par exemple le bitcoin est accepté, voit son prix exprimé à la fois en l'unité de compte « officielle » de son aire géographique par exemple l'euro, et, pour celui qui décide d'acquérir le bien en utilisant le bitcoin, comme pour le vendeur qui l'accepte, le prix est traduit de l'euro en bitcoin. La transaction sera réalisée en bitcoin, après la conversion implicite de l'euro en bitcoin. Cette situation est assez proche du système monétaire de l'Ancien Régime en France. Ce système reposait sur un système dual entre une expression des prix en unités de compte (on distinguait trois: la Livre Tournois ou la Livre Parisis, le sou et le denier) d'une part et les instruments de paiement ou de règlement (le louis, l'écu et le liard). L'apparition des crypto-monnaies revient à faire revivre ce système. La question de la grande variabilité de la valeur de l'instrument de paiement (le bitcoin par exemple) n'empêche pas les transactions réalisées en un moment du temps où l'existence de transactions signifie que les agents, acheteurs et vendeurs acceptent le risque de variation.
- Le deuxième argument qui tendrait à relativiser le poids de ces monnaies comme moyen de paiement tient à l'existence de coûts de transaction élevés. Ces coûts sont importants pour les petites transactions mais sont dégressifs en proportion de la valeur de l'échange réalisé. En effet, si

on considère le bitcoin, les frais (fees) sont liés à la transaction qu'elle que soit son montant. Les «fees» sont liés à la constitution des blocks de transaction et plus particulièrement à la rémunération des «mineurs» c'est-à-dire des personnes qui font tourner les logiciels destinés à ajouter des ensembles de transaction dans un block, élément de base d'une blockchain (chaine de blocks de transactions. Le mineur, en effet, est rémunéré par l'algorithme qui prévoit une création de bitcoins (Bitcoin, redaction, 2017) et via les fees de chaque transaction: chaque transaction peut laisser un «pourboire» au mineur pour que celui-ci l'ajoute rapidement à un block. Ainsi, si le «fee» est de 14 euros par transaction, une transaction de 14 euros conduit à une charge de 100%, mais une transaction de 14000 euros la charge ne sera plus que de .001% ce qui revient à des frais inférieurs à des frais bancaires.

- Un autre facteur avancé pour discréditer le système de paiement serait l'absence de garantie en cas de fraude. Cet argument est peu fondé si on se focalise sur l'organisation des paiements qui repose sur l'organisation d'un système sophistiqué qui assure d'une part que les comptes qui réalisent le paiement sont approvisionnés par le système de la signature électronique d'une part et, d'autre part, par le système des blocks de transactions qui garantissent qu'un acheteur ne peut réaliser plusieurs opérations avec le même compte et que les falsification sont impossibles (immutabilité des blockchains sécurisées par le calcul des «nonces»). De ce point de vue l'argument de la Banque de France est faible.

- Enfin, les arguments liés aux doutes sur la capacité des crypto-monnaies à servir de réserve de valeur sont les moins fondés. En effet, contrairement à ce qu'on pourrait attendre la Banque de France n'utilise pas la grande variabilité du cours des cryptos monnaies pour les discréditer. Elle considèrent seulement que «*Les cryptoactifs ne s'appuient sur aucun sousjacent réel*». La question qui se pose est alors de savoir si les monnaies contemporaines, telles que le dollar, l'euro, le rouble s'appuient sur des sous-jacents réels. La réponse est bien évidemment non. La suspension de la convertibilité du dollar en or date de 1971 et le panel d'unités de compte qui définit l'Euro n'a aucune valeur effective. L'essentiel de la masse monétaire moderne est constitué des dépôts à vue correspondant à la monnaie «crédit» des banques privée. De ce fait, la bancarisation de la création de monnaie associe la stabilité de l'unité de compte et la confiance en l'organisation monétaire.

La monnaie bancaire moderne, autrement dit, la monnaie crédit des banques se perpétue sur le fondement de la pérennité anticipée du système de paiements. Aussi, de ce point de vue, n'est-il pas nécessaire que ces monnaies soient des réserves de valeur. Elles ne le sont en rien, Un dépôt à vue ne «réserve» aucune valeur, il est le montant d'unités de compte qu'il représente. Étant exprimé en une devise, il est soumis à l'appréciation des autres devises. S'il est constitué d'un prêt d'une banque à son client, ou d'une rémunération, ou d'un achat, le fait pour son titulaire de ne pas l'utiliser et le laisser «à la disposition» de la banque le transforme ipso-facto en prêt du particulier à sa banque, que ce prêt soit rémunéré ou non. De ce point de vue leur statut se transforme de «monnaie» en «actifs financiers». Certes cet actif est particulièrement «liquide» mais il n'est monnaie que pour autant qu'il soit transféré sur un autre compte en tant que 'paiement', 'extinction d'une dette', 'rémunération' ou autre… Il en est de même pour un compte inactif exprimé en unité de monnaie cryptée. La différence étant que dans le cadre d'une monnaie cryptée, ce dépôt s'assimile plutôt à de la thésaurisation. Personne ne peut utiliser cette monnaie qui est momentanément retirée de la circulation (tant qu'elle demeure en mémoire des disques durs). Enfin, la référence au système bancaire fondé sur la confiance dans la continuité des opérations bancaires comme facteur de l'établissement de la monnaie bancaire conduit à ne pas considérer la question de la réserve de valeur comme un référentiel pour définir une monnaie. Il en est de même pour les

monnaies cryptées ou la retranscription et la transmission des opérations passées est le facteur constitutif de la confiance des opérateurs. La possibilité de vérifier, par le système de blockchain et la technologie associée, l'effectivité et la réalité des transactions est le substitut à la confiance dans les institutions monétaires fondées sur le crédit.

Les critiques de la banque d'Angleterre par l'intermédiaire de son gouverneur Mark Carney, se révèlent plus subtiles que la précédente. Elles tendent à montrer que la volatilité du cours des crypto-monnaies leur interdit les opérations de paiement courantes équivalentes à celles que peuvent pratiquer les citoyens d'une zone géographique donnée. Si le fond critique est similaire à celui de la Banque de France, l'argumentaire repose davantage sur les failles techniques des crypto-monnaies et, de ce fait, se révèle beaucoup plus convaincant. Ainsi, Carney (Carney, 2018) souligne la longueur du temps des transactions comparé aux opérations liées à l'utilisation des cartes visa. Ainsi, si par seconde, le nombre de transactions pour les premières 65 000 pour les bitcoins ce nombre n'est que de 7 transactions à la seconde. De même, il souligne la difficulté de réaliser des opérations de crédit dans une zone géographique couverte par une monnaie d'État. Ainsi, un emprunt en bitcoin équivalent à 1000£ à terme pourra conduire l'emprunter à devoir rendre une somme soit dérisoire, soit, au contraire excessive en devise «livre sterling». La volatilité du cours des crypto-monnaies rend impossible, à l'heure actuelle, les opérations de prêt et d'emprunt libellés en cette monnaie.

Cet argument est fort. Il signifie que les emprunts et par conséquent les prêts sont impossibles en cette monnaie. Cependant, est-ce la vocation de celle-ci? Cet instrument naît de la transformation d'un montant d'unités de compte exprimés en unités de compte «officielles» telles que le dollar, la livre sterling, l'euro, en unités de compte de monnaie cryptée. Les motivations de ses utilisateurs sont alors de trois ordres. Soit, le premier est de se soustraire au contrôle bancaire traditionnel. L'accusation d'aide à la réalisation d'opérations illégales (trafics de matières prohibées par les lois, recyclage de capitaux, etc.) se révèle fondé. Le second est la spéculation pure ce qui, fait tomber l'argument du fait que cet actif ne serait pas une «réserve de valeur». Le fait de se débarrasser de devises nationales pour acquérir de la monnaie cryptée dans un but spéculatif traduit bien le fait que celle-ci est utilisée comme réserve de valeurs. Cette acquisition pour cet objectif traduit une préférence pour le risque des investisseurs. Un troisième élément, moins visible est que ces actifs peuvent constituer une parade contre la fragilité des systèmes de paiement classiques. En effet, le système bancaire a été ébranlé avec la crise des sub-primes des années 2007-2008 et certains pays, Islande, Grèce, Portugal, Italie, France, pour l'Europe, ont été menacés par les risques de faillite des États, mais aussi de leurs banques engagées sur des actifs hautement spéculatifs.

Carney reconnaît que le système bancaire actuel, pour être reconnu comme stable repose sur trois piliers: «*The private financial sector cannot create money without limit, but is disciplined by competition, constrained by prudential regulation, and limited by decisions of households and companies that can reduce the stock of money (by, for example, repaying existing debt)*» (Carney, 2018).

L'analyse de Carvey pourrait conduire à une condamnation sans appel des crypto-monnaies. Cependant, cette référence aux conditions de stabilité des systèmes de paiement bancaire et leur manque de fiabilité potentiel lié à la fissuration de l'un des trois piliers (soit la concurrence, soit la régulation, ou la restructuration des dettes par le public) rappelle leur fragilité et la nécessité de recourir à de nouveaux instruments dont l'architecture pourrait être offerte par… les crypto-monnaies ou les crypto-actifs: «*First, crypto-assets are part of a broader reorganisation of the economy and society into a series of distributed peer-to-peer connections across powerful networks*» (Carney, 2018), En outre, ces technologies en particulier les registres distribués

(distributed ledger) peuvent, augmenter l'efficacité de la gestion des données, améliorer leur résilience en éliminant les points de défaillance centraux par le partage des données lié à la réplication et le partage des registres. Enfin, elles peuvent autoriser la formation de «contrats intelligents», c'est-à-dire des contrats, qui à la réception de nouvelles informations, mettent à jour automatiquement et, le cas échéant, réalisent les paiements.

Cette vision positive des crypto-actifs par le gouverneur de la banque d'Angleterre est lié au pragmatisme des autorités de marché américaines qui en décembre 2017, ont accepté le bitcoins comme actifs dérivés sur le Market Chicago Exchange (MCE) au titres de «bitcoin futures». Cette intronisation c'est certes accompagné de mesures de prévention et de régulation spécifiques qui soulignent l'extrême volatilité de ses cours et les risques associés. Néanmoins, cette reconnaissance ouvre la voie à la formation de contrats à terme libellés en unités de compte bitcoins. Il s'ensuit que nous sommes, neuf ans après la création de la première monnaie cryptée, à l'aube de bouleversements importants dans ce domaine. L'attitude des autorités russes, qui sont passées d'un scepticisme extrême à une acceptation mesurée va le montrer.

3. La Position des autorités russes face à la création des bitcoins

Devant l'évolution des transactions en crypto-monnaies, le cours spécifique à la hausse du bitcoin, la multiplication de nouvelles monnaies de ce type, les autorités russes, dès le début des années 2010, ont décidé de réagir et de contrôler ce qui, à leurs yeux, peut constituer une menace pour la souveraineté du pays. La réaction des autorités russes est compréhensible si on se réfère aux années 90-2000 où les spéculations étrangères sur les grandes entreprises (pétroles, mines, industries diverses) ont failli démanteler le potentiel énergétique et industriel du pays.

Depuis 2014 la Fédération de Russie affiche des intentions contradictoires vis-à-vis des crypto-monnaies. La constante, cependant est une défiance permanente avec la plus emblématique d'entre-elles, le «Bitcoin», dont l'utilisation en Russie est illégale. En effet depuis le 27 janvier 2014: un avis de la Banque Centrale de la Fédération stipule que l'échange de bitcoins contre des roubles, des devises, des biens ou des services, sera désormais considéré comme «*une implication potentielle dans la mise en œuvre d'opérations suspectes conformément à la législation sur la neutralisation du blanchiment des produits de la criminalité et le financement du terrorisme*». Cette décision accompagne une décision de novembre 2017 qui a interdit l'accès à 11 sites de monnaies cryptées. Cependant, les autorités russes sont pragmatiques et voient les avantages de crypto-monnaies contrôlée. Aussi, elles annoncent que pour le début de 2018, une loi sera adoptée visant à encadrer l'émission et la création de crypto- monnaies. L'intérêt de la Fédération de Russie pour ces monnaies fait suite à des initiatives de certains grands secteurs économiques qui envisagent d'y recourir. Ainsi, en juillet 2017, la compagnie aérienne Aeroflot a investi $400,000 pour étudier les possibles applications des crypto monnaies et des blockchains pour ses opérations et leurs risques associés (Aeroflot, 2017).

Une notice sur les marchés publics pour «modéliser le développement de crypto-moyens de paiement dans la Fédération de Russie et son influence sur les paiements pour la compagnies Aeroflot et les services de transport». Une autre compagnie aérienne russe, S7, a annoncé le début de la vente des billets sur la blockchain de l'Ethereum, en partenariat avec Alfa-Bank. En outre, en avril 2017, Chronopay, un fournisseur de paiement en ligne qui opère en Russie a annoncé l'utilisation de Bitcoins pour ses opérations de paiement. En mars 2017, Qiwi (cotée au NASDAQ) a créé des produits blockchain et a investi 1,7 million de dollar pour la création d'une filiale russe dans ces technologies.

On comprend la réaction des autorités russes devant ce mouvement qui auraient pu devenir incontrôlé et, potentiellement, aurait pu menacer les infrastructures des systèmes de paiement et économique du pays. Les raisons pour lesquelles la Russie ne peut se désintéresser des crypto-monnaies tiennent à la particularité de ces monnaies qui excluent le crédit et nécessitent de lourdes infrastructures pour le minage des données. Paradoxalement, la Fédération de Russie possède d'énormes avantages pour devenir un pays leader dans ce domaine.

Le projet de loi sur les actifs cryptés marque une double volonté. La première est de laisser la porte ouverte au développement de ces actifs, la deuxième est d'établir un contrôle destiné à éviter le financement d'activités illégales et du terrorisme. Il marque aussi la volonté de s'affranchir du contrôle de tiers étrangers dans les opérations de paiement. En effet, les méthodes de paiement traditionnelles (cartes de crédit) supposent de se reposer sur la confiance accordée à un tiers (Visa, Mastercard, PayPal, banques). Ces derniers conservent leur propre registre privé qui stocke l'historique des transactions et les soldes de chaque compte. Dans le cas de la Fédération de Russie, faire reposer son système de paiement sur des tiers, signifie le faire dépendre d'un réseau bancaire international. Par exemple, en France, le réseau CB (Carte Bancaire) regroupe des banques françaises à l'exclusion des réseaux Visa, MasterCard, American Express ou autres.

3.1. Analyse du projet de loi sur les crypto-actifs de la Fédération de Russie

Le projet de règlementation est à large spectre. Il porte sur la création, l'émission, le stockage et la circulation des actifs financiers numériques, ainsi que l'exercice des droits et l'exécution des obligations découlant des contrats intelligents (smart contracts). Parmi ses aspects restrictifs, il conteste à ces actifs le droit à devenir des moyens de paiement légaux sur le territoire de la Fédération de Russie (art.2) et le projet insiste sur la nécessité de rendre visible l'identité des opérateurs. Cependant, si la transparence des opérateurs peut être assuré et découle, par ailleurs de la nature même des transactions, considérer que les actifs cryptés ne peuvent servir de monnaie constitue une gageure comme le montre l'article 2 où l'opérateur d'échange d'actifs financiers numériques, entité juridique, effectue des transactions pour acquérir des actifs financiers numériques en rouble ou en monnaie étrangère. S'il s'agit d'acquérir des devises étrangères avec un actif crypté, une interprétation byzantine peut transformer l'opération en opération de troc, mais l'existence d'une unité de compte, en l'occurrence celle de la crypto-monnaie, quelle qu'elle soit, est bien une transaction en unité de compte de monnaie cryptée… En fait, le projet de loi constitue bien une validation de l'utilisation de crypto-monnaies sur le territoire russe, cependant il en restreint l'usage aux seules personnes morales et non aux particuliers. Les personnes morales sont celles légalement habilitées à réaliser des opérations mobilières mais aussi, celles habilitées à réaliser des opérations commerciales («Об организованных торгах»). Cette nuance est importante car elle autorise le minage des crypto-monnaies en considérant que cette activité doit être déclarée. Il est remarquable que la future loi considère tous les aspects des crypto-actifs, notamment, les «tokens» qui sont des instruments de financement qui donnent droit à divers types de rémunérations, mais aussi les «smart contracts» (l'ensemble des pseudo-contrats qui permettent la réalisation des engagements en évitant des clauses qui supposeraient des recours devant les tribunaux). Les autorités russes manifestent leur volonté de rendre transparentes ces opérations pour éviter les transactions illégales sur l'ensemble des crypto-actifs. L'achat et la libération des «tokens» fait l'objet d'une attention particulière dans la mesure où une ouverture au public est rendue possible dans la limite de 50000 roubles ce qui permet aux particuliers d'y recourir. Au-delà de cette somme, seuls les professionnels dûment enregistrés sont autorisés à les échanger (art. 3.1).

Les articles 3.2 et 3.3 détaillent précisément les conditions d'acquisition et de délivrances de ces «token».

L'ensemble des opérations sur les crypto-valeurs sont réalisées par l'intermédiaires d'opérateurs reconnus par la Banque Centrale de la Fédération.

3.2. Les conditions du développement d'une crypto-monnaie d'«État»

Dans les pays européens, l'initiative russe ne semble pas être appréciée à sa juste dimension. Or, son objet est de rendre disponible les institutions financières et bancaires à l'émergence contrôlée de nouveaux actifs financiers. Sur le fond, elle rejoint la préoccupation du FMI qui, par l'intermédiaire de sa présidente considère que face au risque de crise des paiements lié à l'endettement massif des économies mondiales (Lemonde, 2018), les crypto-actifs peuvent constituer une alternative crédible: «*That is why policymakers should keep an open mind and work toward an even-handed regulatory framework that minimizes risks while allowing the creative process to bear fruit*» (Lagarde, 2018). Les conditions d'une expansion et de l'adoption officielles de ces actifs suppose des conditions permissives que l'actuel développement des seuls bitcoins ne peut garantir. Toutefois, l'évolution des technologies liées au cryptage d'actif permet d'envisager un développement de ces types d'actif et la création d'une crypto-monnaie russe

3.2.1 La preuve d'enjeu comme facteur de développement d'un crypto actif russe.

a) Le coût de la «preuve de travail» du bitcoin comme obstacle à son développement

Les failles principales du système de Blockchain qui constitue le cœur des monnaies de type Bitcoin, est comme l'ont mentionné leurs critiques, d'une part, le temps élevé des transactions, le coût de transaction fluctuant et parfois élevé ainsi que l'énorme consommation d'énergie électrique liée au développement des opérations de minage lié au processus de validation des blockchains. La Preuve de travail (Proof of Work) a pour principal objectif de dissuader les cyber-attaques (déni de service distribuée (DDoS) qui épuise les ressources d'un système informatique en envoyant plusieurs fausses requêtes. Satoshi Nakamoto, le créateur du Bitcoin) a appliqué cette technique, inventée par Cynthia Dwork et Moni Naor en 1993 et appliqué par Markus Jakobsson et Ari Juels en 1999. La preuve de travail permet à tout utilisateur de Bitcoin de réaliser ses transactions sans l'intervention de tiers pour garantir la sécurité des transactions de paiement constitue le fondement d'un consensus sans faille et réparti (*trustless and distributed consensus*). Comme mentionné par ailleurs, alors qu'une opération de paiement classique fondée sur les cartes de crédits suppose l'intervention de banques tiers, avec le bitcoin (et les autres monnaies cryptées) tous les intervenants sur le réseau disposent d'une copie du registre (blockchain) et chacun peut vérifier directement les informations rapportées (voir Godebarge et Rossat, 2016).

Cette vérification passe par la fourniture d'une «preuve de travail». Celle-ci correspond à un calcul informatique coûteux, également appelé extraction, qui doit être effectué pour créer un nouveau groupe de transactions (bloc) sur un registre distribué appelé blockchain. Le premier objectif est de vérifier la légitimité d'une transaction afin d'éviter le doublement d'une opération.

Pour ce faire, les transactions sont regroupées dans un bloc et les mineurs vérifient leur légitimité. Cela consiste à résoudre un algorithme mathématique qui prend le nom de «preuve de travail». Le premier mineur qui apporte une solution qui valide le bloc perçoit une rémunération en crypto monnaie. Le bloc validé est alors inscrit dans la chaîne des blocs validés (blockchain). Cette rémunération à la première validation explique la concurrence entre mineurs. D'un point de vue technique le processus de minage est une opération de hachage inverse; il détermine un nombre (nonce), de sorte que l'algorithme de hachage cryptographique des données de bloc doit aboutir à un niveau inférieur à un seuil donné. Ce seuil, appelé difficulté, détermine la nature compétitive du «mining». Plus la puissance de calcul ajoutée au réseau est importante, plus ce paramètre augmente,

et il accroît également le nombre moyen de calculs nécessaires pour créer un nouveau bloc. Cette méthode augmente également le coût de la création de blocs, poussant les mineurs à améliorer l'efficacité de leurs systèmes miniers pour maintenir un équilibre économique positif. Cette mise à jour des paramètres devrait avoir lieu environ tous les 14 jours, et un nouveau bloc est généré toutes les 10 minutes. Cela signifie que le temps d'une transaction, pour être effective, ne peut être inférieure à ce moment. Un autre facteur à ne pas négliger et qui est largement connu est le fait que cet accroissement de la puissance de calcul s'accompagne d'une croissance équivalente de la consommation électrique et le développement de «fermes» industrielles dédiées au minage.

Dans une contribution récente Malone et O'Dwyer (Malone, O'Dwyer, 2014) ont montré que l'énergie nécessaire au minage des blockchains est équivalent à la consommation électrique de pays comme l'Irlande. La littérature n'a retenu de cette contribution que cet effet marquant. En fait, ces auteurs montrent que la nécessité de s'équiper de façon toujours plus importante en hardware conduisant à comparer le coût de ces équipements et le coût de la consommation électrique à la rémunération des mineurs. De ce fait, celle-ci est déclinante en part relative de telle sorte que, à terme, le coût du minage influe sur le cours de la devise cryptée.

b) La preuve d'enjeu (Proof of Stake) et la soutenabilité énergétique des crypto-monnaies

Nous avons vu que le défaut essentiel du système de minage du bitcoin est l'extraordinaire dépense d'énergie qu'il engendre ce qui rend son modèle économique difficilement soutenable. La caractéristique de la PoS est qu'elle ne nécessite pas un bras de fer entre fermes de minage pour atteindre un consensus sur les blocks validés. Il s'ensuit un moindre gaspillage énergétique qui peut rendre viable les monnaies scriptées. La preuve d'enjeu (proof of Stake PoS) a été popularisée par Vitalik Buterin l'inventeur d'une des principales monnaies concurrentes du Bitcoin: l'Ethereum. Buterin n'est pas l'inventeur du principe mais envisage d'alléger la preuve de travail présente dans sa monnaie en y incluant ce processus dans un prochaine version de l'Ethereum's avec l'implantation de l'algorithme Casper. La PoS est un algorithme, qui, comme la preuve de travail, est destiné à valider les transactions cryptées et à atteindre le consensus distribué. La première monnaie numérique à utiliser cette méthode était Peercoin en 2012, avec ShadowCash, Nxt, BlackCoin, NuShares / NuBits, Qora et Nav Coin.

Les Preuves d'enjeu (ou de participation) sont des mécanismes de consensus pour les monnaies numériques et sont présentées comme étant une alternative à la preuve de travail utilisé dans Bitcoin. Les principaux avantages déclarés des approches des PoS sont l'absence de calculs coûteux et donc une barrière d'entrée plus faible pour récompenser les formations de blocks. Cependant, il semble que les implémentations existantes de PoS sont vulnérables aux attaques hautement improbables dans les approches de Bitcoin et de preuve de travail en général.

L'idée sous-jacent des PoS est simple: au lieu d'exploiter le pouvoir de minage, on considère la probabilité de créer un bloc. La récompense associée est alors proportionnelle à la participation d'un utilisateur dans le système. Un acteur individuel qui possède p fractions du nombre total d'unités de compte en circulation crée un nouveau bloc avec une probabilité p. La justification de la PoS est la suivante: les utilisateurs ayant les plus grands enjeux du système ont le plus intérêt à maintenir un réseau sécurisé, car ils subiront les conséquences négatives d'une diminution de la réputation et donc du prix de la crypto monnaie du fait d'attaques. Il n'y pas de rémunération automatique à la création de blocks comme dans le bitcoin mais les «forgerons» (au lieu de mineurs) sont rémunérés sur la base de commissions.

Ainsi, plus un participant investit dans l'achat d'une crypto-monnaie de la blockchain, adhérant à une PoS, et s'il met cet achat en dépôt, alors il sera attribué, de façon aléatoire à ce participant, le droit de valider des blocks et, de ce fait, de recevoir une récompense en crypto-

monnaie. Plus sa participation est élevée plus ces chances d'être choisi pour valider sont importantes. L'intérêt du forgeron (minter) est de valider au plus vite s'il ne veut pas être dépassé par un autre participant. Tout comme avec la preuve de travail, la chaîne la plus longue est considérée comme valide. Cependant, toute la question et l'enjeu de la preuve de l'enjeu concerne sa fiabilité. Cette question est encore à l'étude dans la mesure où les PoS semblent plus perméables aux attaques que la PoW.

Donnons un exemple issu de BitfuryGroup (Bit Fury Group, 2015). Toutes les blockchains sont susceptible de rencontrer problème dit de «fourche» (fork). Ces fourches signifient que deux chaînes sont concurrentes, or, la chaîne la plus longue sera celle qui sera validée. Avec une PoW, le comportement rationnel des agents sera de choisir l'une des branches et de continuer les opérations de hachage afin de concevoir la plus longue chaîne possible. En revanche, dans un algorithme de PoS, la probabilité de valider un bloc ne diminue pas si l'utilisateur tente de frapper plusieurs branches de blockchain. Aussi, le comportement rationnel dans ce système consiste à tenter de valider des blocs en tête de toutes les branches qu'un utilisateur connaît et, même, le BitfuryGroup Pire montre que dans certaines circonstances, il peut être approprié pour un utilisateur de construire une blockchain intermédiaire ce qui peut conduire à voir l'attaque réussir.

3.2.2 Les modalités de la création d'une crypto-monnaie d'État

C'est à dessein que le terme crypto-monnaie a été utilisée en en-tête de ce paragraphe. En effet, avant d'être des crypto-actifs, ces instruments sont avant tout des moyens de paiement. Utiliser un crypto-instrument pour acheter une devise (euros contre bitcoins par exemple) pose la question de savoir qu'elle est la marchandise ou l'actif financier de la devise ou du crypto-instrument. Acquérir des actifs dérivés à l'aide de crypto-monnaie fait de ce moyen une monnaie.

La création de cette monnaie par un État suppose qu'elle doit être très rapidement crédible et inspirer la confiance auprès de ses utilisateurs. La question des moyens de l'émission est centrale, car, contrairement à une monnaie d'État, telle que la définit le Chartisme, la crypto-monnaie est par essence décentralisée, même si, au départ, les autorités d'un État prennent l'initiative de la créer.

Les modalités de cette création sont à définir. Elles peuvent prendre exemple sur la création de l'Ethereum fondé sur une «Initial Coin Offering» (ICO) l'équivalent d'une IPO (Initial Public Offering) (offre publique d'achat) pour les entreprises introduites en Bourse. Les ICO supposent que des services (tokens) sont vendus par les promoteurs d'un projet en contrepartie de crypto-monnaie (bitcoins ou ethers). Concernant la start-up, Ethereum celle-ci est née à partir d'une ICO qui a consisté à vendre les 60 premiers millions de tokens (les ethers) pour 18,5 millions de dollars en bitcoins. Par la suite, les tokens (ou jetons) sont échangés comme des actions.

Concernant une monnaie d'État, ce principe pourrait être basé sur un portefeuille d'entreprises, d'activités, de ressources naturelles du pays avec la garantie de l'État. Ce crowdfunding «institutionnel» aurait l'avantage d'apporter des devises et de crypto-monnaies et permettre ainsi d'amorcer l'émission de la crypto-monnaie d'État. L'avantage de cette démarche est alors de ne pas recourir aux marchés financiers traditionnels pour obtenir le financement d'infrastructures.

La crypto-monnaie, garantie par l'État, pourrait alors être utilisée dans les opérations de paiement entre l'État, les sociétés d'État et leurs prestataires de services (voir l'exemple d'Aeroflot) et permettrait d'accéder à des technologies de pointe de pays tiers qui accepterait le paiement dans la crypto-monnaie. Le paiement pourrait être constitué de «tokens» garantis correspondant en l'usage, l'importation, l'exportation de produits spécifiques, libellés en unités de compte de la monnaie cryptée.

Dans ce domaine, le projet de l'Estonie pourrait servir de guide. Ainsi, Kaspar Korjus dans un récent blog (Korjus, 2017) définit les stratégies pour créer une monnaie d'État à l'échelle de l'Estonie (Estcoin). L'objectif du projet Estcoin n'est pas de se substituer à une monnaie nationale (celle de l'Estonie est l'Euro) mais de combiner certains des avantages décentralisés des crypto-monnaies avec la stabilité lié à la confiance qu'inspirent la fiat-monnaie et de la limiter à un certain nombre de participants. Dans le cadre de l'Estonie, il s'agit de la communauté des e-residents, c'est-à-dire l'ensemble des start-ups créées par une ICO par Kaspar Korjus en Estonie. Ce projet, permet à des créateurs d'entreprises de hautes-technologies et à forte valeur ajoutée[3].

La création de cette crypto-monnaie s'appuierait sur le système bancaire qui devrait réaliser des transferts afin d'alimenter les canaux monétaires et financiers sachant, qu'ensuite, les transactions seraient réalisées indépendamment de lui par le biais de la blockchain. Autrement dit, la crypto-monnaie ainsi créée pourrait être librement échangée au niveau international. L'État apporterait sa garantie concernant la convertibilité de la crypto-monnaie en monnaie nationale (ou internationale). Cette garantie serait appuyée par un fond constitué d'actifs stratégiques. Bien évidemment, les banques impliquées dans le projet devraient accepter de laisser la monnaie cryptée fonctionner par elle-même, ce qui suppose leur adhésion au projet. De ce fait, ce ne sont que les banques nationales ou, concernant, des banques étrangères, de leurs filiales impliquées dans les affaires nationales. L'intérêt des banques pourrait être accru dès lors que les projets financés par les ICO pourraient, dans leurs stades de développement utiliser de façon privilégier la fiat monnaie (trésorerie, crédits divers, gestion de valeurs mobilières et de produits dérivés libellés en monnaie nationale et monnaie cryptée, etc.).

Conclusion

La création d'une monnaie cryptée d'État pourrait créer un facteur de stabilité nationale en levant une certaine dépendance vis-à-vis des systèmes bancaires étrangers. Outre la question de l'indépendance nationale, la question de la sécurité des transactions est une question primordiale. Il est indéniable qu'aujourd'hui, à la suite des stratégies d'endettement massif des États destinés à pallier les effets de la crise des années 2007-2008, les systèmes bancaires et les États voient la probabilité d'un risque systémique s'accroître considérablement. De ce point de vue, le recours à des crypto-actifs et crypto-monnaie, de la part d'un État peut.

Il s'agit indubitablement d'une stratégie de différenciation destinée à consolider des positions sur des questions de stratégie industrielle et commerciale. Cette création, toutefois, n'est pas sans risques qui peuvent apparaître à plusieurs niveaux.

Le premier concerne la soutenabilité de l'opération en terme énergétique. Bien évidemment, la Fédération de Russie peut compter sur des ressources importantes en gaz et en pétrole notamment pour absorber le surcroît de dépense énergétique. Cependant, l'imitation d'une monnaie de type bitcoin fondée sur la preuve de travail peut néanmoins s'avérer particulièrement coûteuse à terme, d'un point de vue économique et environnemental. De leur côté, les crypto-actifs fondés sur la preuve d'enjeu présentent le désavantage de la sécurité de blockchain qui est plus sensible aux attaques malveillantes. Or, dans le domaine monétaire, la confiance des utilisateurs est primordiale. Si les blockchains assurent que les acheteurs disposent des fonds nécessaires, ce sont les acquéreurs

[3] L'Estonie envisagerait trois scénarios qui sont spécifiques à cet Etat et ne peuvent être transposés en tant que tel.

de crypto-actifs qui, de leur côté, doivent être assurés que leurs avoirs ne seront pas dérobés à la suite de manœuvres frauduleuses. Des stratégies combinant la preuve de travail et la preuve d'enjeu permettraient de lever les questions autour du niveau de risque.

Le deuxième concerne la stratégie d'entrée dans le cadre d'un système de crypto-actifs. Toute la difficulté est d'assurer la crédibilité du système de paiement et de crypto-actifs. Un État ne peut concevoir un système qui échouerait, aussi, la question de l'assurance de la pérennité et de la continuité des opérations de paiements et des opérations financières est-elle fondamentale. La question de la procédure qui permettrait de fixer la confiance des participants à la monnaie cryptée doit être alors au centre de l'attention des autorités. L'Estonie par la création des e-residents, cet ensemble d'entreprises internationales ayant acquis la nationalité estonienne peut asseoir la crédibilité d'une monnaie cryptée sur cet ensemble en induisant les opérateurs à échanger dans la crypto-monnaie. Pour d'autres États, tels que la Russie, les entreprises d'État comme GazProm et Aeroflot.

References

1. Fintender.ru (2018). URL: https://fintender.ru/star/region/moskva/l31705299807-1--scenarnoe-modelirovanie-razvitiya-rynka-kriptovalyut-v-rossijjskojj-federacii-i-ego-vliyanie-na-perspektivy-razvitiya-raschetov-za-avi

2. Banque de France (2018). L'émergence du bitcoin et autres crypto-actifs: enjeux, risques et perspectives. *Focus*, 5 mars.

3. Bitcoin, rédaction (2017). Introduction à Bitcoin et aux concepts existants. URL: https://bitcoin.fr

4. Bit Fury Group (2015). Proof of Stake versus Proof of Work, Bitfury Group Limited.

5. Buterin V. (2018). Proof-of-Stake-FAQ. URL: https://github.com/ethereum/wiki/wiki/Proof-of-Stake-FAQ

6. Carney M. (2018). The future of Currency, inaugural Scottish Economics Conference, Edinburgh University, 2 March. URL: https://www.reddit.com/r/CryptoMarkets/comments/81dl8r/the_future_of_money_speech_given_by_mark_carney/

7. Cook R.M. (1958). Speculation on the Origins of Coinage. *Historia*, 7, pp. 257–262.

8. Chohan U. (2018). Proof-of-Stake Algorithmic Methods: A Comparative Summary (February 28). URL: https://ssrn.com/abstract=3131897

9. Godebarge F., Rossat R. (2016). Principes clés d'une application Blockchain. Mémoire, EMS Lyon Business School.

10. Goodhart C.A.E. (1998). Two concepts of money: implications for the analysis of optimal currency areas // European Journal of Political Economy. №14: pp. 407-432.

11. Korjus K. (2017). We're planning to launch estcoin – and that's only the start, Medium, podcast. URL: https://medium.com/e-residency-blog/were-planning-to-launch-estcoin-and-that-s-only-the-start-310aba7f3790

12. Lagarde C. (2018). An Even-handed Approach to Crypto-Assets, Blog FMI. URL: https://blogs.imf.org/2018/04/16/an-even-handed-approach-to-crypto-assets/

13. Keynes J.M. [1930] (1976). A Treatise on Money. Volumes I and II, New York: Harcourt, Brace & Company.

14. Knapp G.F. [1924] (1973). The State Theory of Money. Clifton, NY: Augustus M. Kelley.

15. Ministère des Finances (Fédération de Russie) (2018). Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&area_id=4&page_id=2104&popup=Y%20%20%20%20%20#

16. Malone D., O'Dwyer K.J. (2014). Bitcoin Mining and its Energy Footprint, Conference: 25th IET Irish Signals & Systems Conference 2014 and 2014 China-Ireland International Conference on Information and Communities Technologies (ISSC 2014/CIICT 2014).

17. Nakamoto S. (2009). Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. satoshin@gmx.com

18. Minsky H.P. (1986). Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, CT: Yale University Press.

19. Moore B.J. (1988). Horizontalists and Verticalists: The Macroeconomics of Credit Money. Cambridge: Cambridge University Press. 34

20. Mosler W. (1995). Soft Currency Economics, 3rd edition. West Palm Beach, FL (self-published). URL: www.warrenmosler.com.

21. Schumpeter J.A. (1934). The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. Cambridge, MA: Harvard University Press.

22. Simmel G. [1907] (1978). The Philosophy of Money, London, Routledge.

23. Lemonde (2018). URL: http://www.lemonde.fr/economie-mondiale/article/2018/04/18/le-fonds-monetaire-international-alerte-sur-l-accroissement-de-la-dette-mondiale_5287373_1656941.html#WfXYYsIsAs0IKXME.99

ДЕНЕЖНЫЙ ХАРАКТЕР КРИПТОВАЛЮТ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ И ФРАНЦИИ

Жерар Монделло,
Университет Лазурного Берега (Université Côte d'Azur),
06108 Ницца, 28 Проспект Valrose, Университетский городок

В статье изучается денежный характер криптовалют в свете чартистских теорий валюты. Этот подход показывает, что криптовалюты отвечают критериям определения валюты: единица счета, определенная органом, и способ оплаты. Вопрос о критериях «резервирования стоимости» приводит к превращению инструмента в финансовый актив. В свете этого анализа статья изучает критику некоторых центральных банков по отношению к криптовалютам и показывает, что большинство из них необоснованно. Криптовалюты будут стремиться к распространению, и многие государства рассматривают возможность их создания. Автором рассматриваются условия, необходимые для того, чтобы сделать криптовалюты устойчивым платежным средством в Российской Федерации.

Ключевые слова: *валюты, резерв стоимости, криптовалюты, актив-зашифрованные, блокчейны, биткоин, эфириум.*

JEL-коды: *F310.*